

Книга вторая ВЕЧНЫЙ ПУТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Мечников

Сергей Мечников
Вечный Путь. Книга вторая

«Автор»

2026

Мечников С.

Вечный Путь. Книга вторая / С. Мечников — «Автор», 2026

Пустыня и Горы остались за спиной. Впереди - непроходимые джунгли и извилистая лента Большой реки. Путеводная звезда на севере манит обманчивым блеском, превращаясь в прищуренный глаз ночного убийцы. Что ждет Странника и его спутниц на этих диких просторах? Свист пуль и холодная сталь. Зловещий шепот тьмы под пологом леса. Турбулентные сдвиги, вызывающие непредсказуемые флуктуации. Временная петля, которая не позволит забыть о прошлом. А, между тем, старый враг уже раскинул свои сети и ждет, когда герои попадут в ловушку. Каждый шаг на пути к Скинии покупается кровью - своей или чужой. И Страннику придется уплатить цену. Как жаль, что на этот раз Кассандра ничем не сможет ему помочь...

© Мечников С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Мечников

Вечный Путь. Книга вторая

Глава 1

*И есть чем платить, но я не хочу,
Победы любой ценой.
Я никому не хочу ставить ногу на грудь.
Я хотел бы остаться с тобой.
Просто остаться с тобой.
Но высокая в небе звезда,
Зовёт меня в путь.
(Группа Кино)*

На темной стороне

Странник сидел на краю обрыва и разглядывал затканное тенями ущелье.

«Я здесь, на другой стороне но по-прежнему в стороне». — Килар посмеялся над собственным каламбуром, понятном только ему одному.

«Мы спаслись от кочевников, пересекли пустыню, вырвались из когтей Лютера и не замерзли насмерть в горах. Пять дней назад, у подножья Креста, мне наконец удалось получить ответы. Но что если я все-таки сбился с дороги?»

Двойная звезда садилась за отрогами гор. Пальмира напоминала летку в доменной печи, через которую сочится раскаленный шлак.

«Я перестал метаться вслепую. Кассандра объяснила цель и смысл происходящего. Мы заключили соглашение и договорились помогать друг другу»

Тогда откуда берется это навязчивое ощущение недосказанности? Он как будто что-то потерял, где-то не додумал, в чем-то просчитался.

Килар третий день подряд мучился бессонницей, и ему не хватало остроты мышления. Сутки тут делятся около тридцати шести часов. Приходилось разбивать лагерь в темноте и заставлять себя отдыхать после обеда, как в детском саду. Нарушение циркадных ритмов приводило к сбоям в работе организма. У его спутниц никаких проблем не возникало, но Страннику приходилось перестраиваться буквально на ходу.

Над тобой более никого нет, но вокруг тебя— многие!

Заключительные слова самозванной прорицательницы не давали ему покоя.

Над тобой более никого нет

В самом деле: он больше не сидит в закрытой коробке как несчастный кот Шредингера. Устройство с труднопроизносимым названием поместило ядро его личности в кластер суперпозиции, но коллапс волновой функции разрушил бинарное равновесие. Алексей Гриницкий погиб в автомобильной аварии, а его квантовый двойник продолжает жить на другой планете, в отдаленном будущем. Он неплохо справился с обстоятельствами, разве нет? И пусть кто-нибудь попробует доказать обратное!

«Загвоздка в том, что дивный новый мир похож на лабиринт полный капканов, а я больше не слышу голос поводыря. Как же уберечься от ошибок?»

Кстати о поводырях. Жар, похоже, и впрямь замолчал навсегда. По словам Кассандры, они встретятся где-то на севере, а пока неудавшийся колдун сгинул бесследно.

Килар сощурился на заходящее светило.

«Нельзя сказать, что меня это сильно расстраивает, но без него в голове стало как-то пусто, словно мне сделали лоботомию».

Странник несколько раз пытался связаться с Кассандрой, но ему никто не ответил. Возможно он неправильно выбирал время и место. Исследовательское судно «Дестини» движется по орбите вдоль экватора со скоростью около двенадцати километров в секунду и делает полный оборот вокруг планеты за несколько часов. Связь должна неизбежно теряться, когда корабль уходит за горизонт. Кассандра обещала, что они смогут побеседовать в любой момент, но забыла сообщить, как именно до нее достучаться.

Над тобой более никого нет

«Но я нуждаюсь в помощи и руководстве. Сейчас даже больше, чем раньше!»
но вокруг тебя—многие.

«И эти «многие» не из тех, кого захочется пригласить на семейный ужин».

Например, существо по имени Ксафан.

«Берегись! Гибель наступает тебе на пятки!»

Давно следовало плюнуть на него и забыть, но отчего-то не получалось. Странник прокручивал в памяти риурал раз за разом, как будто это случилось только вчера.

Дух огня на деле оказался спятившим чужаком. Тысячи лет добровольного заточения превратили его в опасного неврастеника, страдающего манихейским бредом. В каком-то смысле Кассандра и Ксафан — два сапога пара. Оба виртуозно жонглировали пророчествами и мифологическими символами. Кассандра выдавала себя за оракула. Она беззастенчиво использовала наивного простака Жара и едва не обманула самого Странника. Что же касается Ксафана, для него безумие стало второй натурой. Подземный затворник не просто изображал всеведущего демона — он полной мере ощущал себя таковым.

«Ключ от двери в твоих руках. Проклятым стань, но не склони головы!»

Мысли взбрыкнули и понеслись вскачь.

«Где искать дверь в сокровищницу дракона и стоит ли она уплаченной цены?»

Если верить все той же Кассандре, речь идет об укрепленном бункере под названием Скиния. За дверью спрятан Ковчег со Скрижалями Завета. Религиозный орден Искателей воспользовался библейской метафорой, чтобы дать имя секретному убежищу, а также уникальному носителю информации.

«Знания способны изменить мир. Вот только нужно ли его менять?»

Как же заманчиво это звучит! Возможность перезапустить двигатель прогресса, вернуть утраченные технологии, заглушить эхо тотальной войны, которую тут принято называть Великим Изломом. Конфликт интересов между Альянсом внешних планет и Доминионом Примы, превратился в бойню космического масштаба. Величайшая трагедия для всего рукава Ориона Но, если разобраться — не более чем трагическая закономерность. Люди обречены наступать на одни и те же кровавые грабли снова и снова.

Войну подготовили и запустили сородичи Ксафана. Но ведь земляне и прежде веками резали себе подобных. Инсургентам оставалось лишь нащупать старые болевые точки, потревожить агрессивные инстинкты, дремлющие под тонким слоем цивилизованности. И вот по прошествии трех столетий человечество разделено бездной космоса. Изолированные анклавы теряют знания, а вместе с ними и разрушительный потенциал.

«Каково мое место в этом паноптикуме? Разумно ли открывать пресловутый ящик Пандоры? Имею ли я право переписывать историю?»

Килар встал с камня и потер затекшую ягодицу. Перед ним протянулась глубокая ложбина на склоне горы. Там, в нескольких шагах от обочины, дрожал огонек костра. Старинный тракт почти затерялся в траве, и лишь на открытых местах из-под красноватого грунта проступала траченная временем брусчатка.

Пальмира упала в лузу между двух вершин. Быстро темнело.

Порыв ветра обдал вечерней прохладой, взъерошил стелющийся кустарник. Килар уловил в его шелесте тихий равномерный стук. Одно мимолетное видение заслонило другое. Юг и север поменялись местами. Возникла полоса дороги, петляющая по краю обрыва вдоль отвесной стены. Одинокая фигура поднималась к перевалу. Килар не мог продохнуть, с ужасом глядя вглубь себя, в запретный ад своих снов. Он слышал клацанье каблуков по булыжникам. Шаги. Неумолимая поступь ног, отмеряющих километры.

Он идет за тобой! Новый Агасфер

Беззвучный смех прикатился с горных вершин, и Килар представил себе, как Бык из ночного кошмара смеется в ответ.

Линн и Робинс сидели у потрескивающего костра. С этого места Странник казался черным пятном на фоне заката.

—Завтра вечером я собираюсь прокоптить добычу, —Робинс поворачивала над огнем оструганную ветку с нанизанной на ней тушкой кролика. —Нам все равно не съесть все сразу, а мясо может испортиться.

—Кажется, у нас еще долго не будет проблем с дичью, — Линн наблюдала за Киларом. До сих пор Странник неподвижно сидел на краю обрыва и смотрел вниз. Теперь он поднялся на ноги и обернулся в их сторону.

Линн запустила пальцы в волосы и отбросила их за плечи. Грива отросла до середины спины. Ее приходилось чаще мыть и расчёсывать, а в походе это не всегда получалось. Для удобства Линн завязывала волосы в хвост или скручивала в пучок, чтобы убрать под кепку. По хорошему надо бы их подрезать. Но Килару нравилась ее длинная шевелюра, а Линн нравилось делать ему приятное.

—Через день мы дойдем до реки, —Робинс разворошила костер прутиком и положила поверх золы охапку сухих веток.

В кустах заворочалась крупная птица, шумно захлопала крыльями, взлетая. Линн проследила ее неуклюжий полет и обернулась к костру.

—Тебе это кажется важным?

—По реке мы сможем двигаться быстрее.

—Если найдем лодку.

—Мы найдем ее. *Она* найдет.

Робинс уставилась на север, где над темными равнинами всходила одинокая звезда. Для Килара она обладала сакральным смыслом, как путеводный маяк. С каждым днем ее свет усиливался и постепенно менял оттенок с розоватого на бледно-красный. Всего полгода назад звезду получалось рассмотреть только в самые темные ночи. Сейчас она могла поспорить яркостью с любым из спутников Валькирии.

—Кажется, ты начинаешь входить во вкус, подруга. — Линн склонила голову на бок и улыбнулась, —Эта игра захватывает, правда? Сначала ты ненавидишь все это, но постепенно появляется интерес, и тебе хочется самой делать ставки. Только не пытайся отрицать. Мне это знакомо.

—Иди к черту! —Робинс ткнула палкой кролика, оставив на запеченной кожице углубление неправильной формы. — Мне плевать на его гребаную миссию, но не считаться с фактами я тоже не могу. Что-то ведет его, а значит и нас. Какая-то сила

—Нет —Линн запнулась. Слово слетело с языка совершенно произвольно.

Робинс приподняла бровь:

—Что «нет»?

—Разве ты еще не поняла? —Линн собрала мысли в кучку и попробовала вылепить из них понятные формулировки. —Он освободился от чего-то, когда побывал у Креста во второй раз. Стал более самостоятельным, более уверенным в себе. Не знаю, что они сделали с ним за то время, пока мы спали, но теперь он *больше* Странник, чем раньше. До сих пор что-то воло-

чилося за ним из прошлого, что-то вроде кинетического браслета, как у арестантов, склонных к побегу. Но теперь этого нет, и я рада.

—С какой стати мы должны радоваться? —буркнула сержант. —Какое отношение это имеет к нам с тобой?

—Теперь мы его настоящее, —объяснила Линн. —В прежней жизни его окружали другие люди. Но для него они по-прежнему реальны. Память о них очень много для него значит, не дает смириться с происходящим. Это отнимает у него силы.

—По-моему ты чертовски хорошо его знаешь. —Робинс посмотрела на нее с легким, почти неуловимым намеком на осуждение. Этот взгляд мог быть спонтанным, и скорее всего так оно и было. Но он ранил Линн. На миг она вспомнила о своем добровольном позоре, о том, как низко она пала, отдавшись мужчине. Но только на миг. Слишком многое произошло за последнее время. Слишком многое изменилось в ней самой, чтобы она продолжала обращать внимание на прежний стыд.

— Хорошо, что река понесет нас быстрее, — Робинс разворошила угли, добавив жару. —Ты сказала, наш друг освободился от чужого влияния. Может и так, тебе виднее. Но за нами кто-то гонится. И не просто гонится. Он нас *догоняет*.

Линн остолбенела, как будто ей вонзили нож под ребро.

—Почему ты так думаешь?

Робинс жестко усмехнулась одними губами.

—Нет, подруга. Почему *мы обе* об этом думаем. И не надо делать такое сложное лицо. Я ведь не пытаюсь утверждать, что у большерога девять ног.

Линн старалась не потерять самообладание. Кто-то шел следом за ними с тех пор как Кор-Эйленд взлетел на воздух. Кто-то преследовал их сначала в пустыне, а потом в горах —это так. И он не собирался предложить им курительную трубку из тикового дерева или транзисторный приемник, чтобы скрасить их путь через свихнувшийся мир —и это тоже *так*. Преследователь отстает, но совсем чуть-чуть, буквально наступает им на пятки. Он как дым от пожара, как буря на горизонте, постоянная давящая угроза. Об этом Страннику рассказал сумасшедший чужак. Но Линн подозревала, что Килар еще раньше почувствовал неладное. Как быстро перемещается их враг? Испытывает ли потребность в отдыхе или пище? Если ему не нужно охотиться и искать воду, не нужно справлять нужду и останавливаться на ночлег, тогда время работает против них. Каждый раз, когда они вынуждены разбивать лагерь, хронометр начинает крутиться в обратную сторону. Они слишком задержались в гостях у Лютера и растеряли свое преимущество. Это inferнальное существо в образе человека может нагнать их в любую минуту.

«Предположим, он прямо сейчас выпрыгнет из сумрака как черт из колодца. Какой силой он обладает? Что сделает с нами, когда догонит?»

Неизвестность пугала сильнее всего. Поскорей бы наступила ночь. Тогда она сможет забраться к Килару под одеяло и спрятать свой страх у него на груди. Но что-то злое, инородное в ее сердце предательски шептало: «на этот раз он ничем тебе не поможет, ты будешь вынуждена справляться в одиночку». И она знала, что *этак*.

Обе сидели в молчании, думая об одном и том же. Дневной свет окончательно погас. В небе колыхались разноцветные ленты, когда заряженные частицы звездного ветра возбуждали молекулы газов в ионосфере. Странник использовал непривычный термин «северное сияние». В Леоре это явление называли высотной конвергенцией, потому что оно прослеживалось на всех широтах, а не только за полярным кругом. Сильное магнитное поле спасало планету от космической радиации. Килар все еще нес добровольный караул у края скалы, а кролик успел поджариться.

—Я давно хотела тебя спросить, —Робинс споткнулась на полуслове и взглянула на горящее радугой небо, будто оно могло подсказать ей недостающие слова.

— Не подумай, что докапываюсь или пытаюсь унижить, просто... просто мне в самом деле интересно. Как это, *нубытьс* кем-то вроде него?

Линн вновь ощутила на лице обжигающую маску стыда. Определенная часть ее личности все еще хранила верность старой общественной морали. Избавиться от нее было не проще, чем смириться с отсутствием мизинца. Она потеряла палец в схватке с кочевницами, и это так же необратимо как утрата девственности. Линн потрогала беспалую тактическую перчатку на искалеченной левой руке. Крайнее отверстие она зашила, чтобы спрятать затянувшиеся рубцы. Безымянный палец, лишившийся ногтя, торчал из выреза перчатки нелепым розовым обрубком. Она пережила это, приспособилась, заново научилась снаряжать магазин и держать винтовку двумя руками. Значит и все остальное переживет.

Линн искоса посмотрела на Робинс и заставила себя улыбнуться.

— Не знаю, что и сказать, подруга. Со стороны это, должно быть, смахивает на помешательство и, в каком-то смысле так оно и есть.

— Ты не можешь описать это как-то понятнее?

— Не могу, — Линн беспомощно пожала плечами. — В нашем языке нет подходящих терминов. Мы давно разучились быть вместе.

В глазах Робинс что-то блеснуло. Неужели слезы? Но ведь этого не могло быть. С кем угодно, только не с сержантом Эйден.

Робинс яростно потеряла лицо и встряхнулась.

— Как думаешь, он когда-нибудь расскажет нам обо всем?

— По мне, так он рассказал более чем достаточно.

Сержант раздраженно хмыкнула.

— О, да! Он наговорил хренову кучу всего, но ни словом не обмолвился о своем отношении к этому. Не сказал, что он по этому поводу *думает*.

Линн недоверчиво смерила ее взглядом.

— Уверена, что хочешь залезть к нему в голову?

— Я ни в чем не уверена, но мне надоело играть роль жертвенной овцы.

Линн несколько секунд не отвечала, стараясь побороть внезапный испуг. Он был не похож на всеобъемлющее наступление жути, вызванное разговором о безымянном преследователе. Этот новый вид страха можно сравнить с чувством неудобства, которое испытываешь перед тем как задать кому-то обидный или провокационный вопрос. Даже если знаешь, что разговор назрел, все равно ищешь повод отложить его на потом.

— У тебя есть какие-то мысли на этот счет?

Робинс кивнула.

— У меня есть много интересных мыслей.

— И что собираешься делать?

— Увидишь.

Килар сбежал вниз по склону и направился в сторону костра. Когда он уселся перед ними на поваленное дерево, в его глазах отразились языки пламени. Линн уже не в первый раз показало, что Странник не замечает их присутствия. Он продолжал бессмысленно вглядываться в сгущающуюся темноту.

Линн смотрела на него и вспоминала Жара. Внешне они казались полной противоположностью друг другу, но пламя в глазах... оно отражалось точно так же, словно на самом деле костры горели там, в непознанных глубинах, за ширмой его лица, а настоящий костер — не более чем их бледное отражение.

— Жаркое принято есть свежим, — объявила Робинс. — Через час оно превращается в застывшее дерьмо, и его можно со спокойной совестью отдать червям.

Странник дернулся, словно его кто-то толкнул.

—Ты здорово задержался там, Килар, —продолжала сержант, и он, наконец, посмотрел на нее осмысленно сквозь дым тлеющего костра. —Что ты там видел со скалы? Можешь не отвечать, я не обижусь. Мы с капитаном уже привыкли.

Он некоторое время хмурился, потирая ладони друг о друга.

—Вы пытаетесь в чем-то меня упрекнуть?

—И ты, конечно же, считаешь, что мы не имеем на это права? —Робинс язвительно скривила губы. — Ты немного не дотягиваешь до святого, Килар!

—До святого мне как пешком до Черты, с огромным запасом. — Странник достал из кармана раскладной нож, нарезал ломтями мясо и принялся за еду. — А что касается твоего вопроса —Он задумался. —Почему тебе кажется, будто я видел там что-то особенное? Возможно я просто любовался закатом.

—С тобой ничего не бывает просто так! —Сержант, по обыкновению, начала горячиться. —И ты, мать твою, прекрасно это знаешь!

—Она права, —Линн догадалась, какую игру затеяла Робинс. —Ты рассказал нам про небесный город, про Скинию, про путешествия во времени и про твою летающую подружку Кассандру, но самое важное решил приберечь до лучших времен. Тебе не кажется, что пора доверить нам *вс* твои секреты? Или ты намерен и дальше использовать нас вслепую, дергать в нужных местах за ниточки?

—Нет, — Килар достал из рюкзака флягу и глотнул воды. —Вы не безвольные куклы. Вы мои товарищи, люди с которыми я разделил свой путь.

—Тебе не кажется, что с товарищами так не обращаются?

—Мы обязательно поговорим. Но не сегодня.

—Ты порядочная свинья, незнакомец! —выпала Линн, стиснув кулаки от обиды и возмущения. —Порой мне *хочется* ненавидеть тебя!

Килар сидел все так же расслабленно, с грустной иронией на лице, и она первой опустила глаза, на миг действительно возненавидев его за то, что он есть, и еще за то, что привязал ее к себе. Впрочем, тут вину можно смело разделить поровну.

—Надеюсь, ты не серьезно, —Странник бросил в костер обглоданную кроличью кость. —Меньше всего на свете я хотел бы причинить вред кому-нибудь из вас. Но иногда предложенные условия не оставляют нам выбора.

Линн подняла взгляд, он улыбнулся, и она сдалась.

— Ты обращаешься с нами, как с безмозглой скотиной! —фыркнула Робинс.

—Всего лишь пытаюсь уберечь вас от гибели.

—Тебя об этом никто не просил!

Линн захотелось, чтобы Робинс взяла свои слова назад. Странник опустил голову, шумно выдохнул и когда заговорил, его лицо словно окаменело.

—Я скрывал от вас некоторые спорные моменты, но это было необходимо. Знания не только спасают жизни, но и убивают, когда получаешь их в неподходящее время. Если я начну вываливать на вас все свои страхи и подозрения, все, что не дает мне спать по ночам, это принесет больше вреда, чем пользы. Вам кажется, что за моим молчанием скрываются какие-то тайны, но это не так. Главное вы уже знаете, а остальное не более чем домыслы. Просто я оказался первым и ушел по этой дороге чуть дальше.

Он принялся доедать мясо.

—Я был первым, только и всего.

На этот раз никто не нарушил молчания.

Через час Килар и Линн лежали голые под одним одеялом. Они старались по возможности не шуметь. По другую сторону костра устроилась Робинс и временами бормотала сквозь сон что-то неразборчивое.

—Мы сделаем, как советовал Лютер? Поплывем по реке? —прошептала Линн. В голове у нее один за другим вызревали сложные вопросы, но после недавнего разговора ей почему-то расхотелось их задавать.

—Да, — Килар пошевелил рукой ее густые волосы. —Лютер был чокнутым сукиным сыном, но не идиотом. Он задался целью выпроводить меня из своих владений и постарался сделать так, чтобы я не захотел вернуться.

—Он боялся тебя?

—Боялся того, что видел во мне —будь оно реальным или выдуманным, —Килар провел тыльной стороной ладони по ее обнаженному бедру, —Ты не должна ни о чем беспокоиться. Как говорила эльфийская волшебница из одной хорошей книги: «наши тропы у нас под ногами, остается лишь довериться им».

—Ты лгун, незнакомец! — тихо воскликнула Линн. — Знаю, ты обещал всегда говорить правду. Но у тебя хреново получается.

—И за это ты меня любишь? Женщинам нравится, когда их обманывают?

Она приподнялась на локте и заглянула ему в лицо.

— Ну все, хватит! Возможно, дурацкая игра в «угадай» помогала раньше, но сейчас она только мешает. Все эти цитаты из книг, которые я не читала и никогда не прочту. Попытки заполнить пустоту чужими словами. Что-то тревожит тебя, не дает покоя, и ты, вместо того, чтобы попросить о помощи, изо всех сил пытаешься это скрыть. Тебе не приходило в голову, что втроем мы быстрее найдем решение? Товарищи не только подносят патроны, но и слушают друг друга. До сих пор ты направлял нас. Ты говорил, что нужно делать, но не объяснял «почему». Но так больше продолжаться не может. В одиночку у тебя нет шансов. Эта дорога, этот чертов небесный град — они стали не только твоими, но и нашими. Робинс бесится из вредности или от упрямства, но она тоже начинает привыкать. Пора выложить все как есть, или незачем идти дальше.

Килар разглядывал звезды. Линн видела, как поднимается и опадает его грудь.

—Я и не собирался скрывать от вас правду, — заговорил Странник в тот момент, когда Линн уже решила, что он ничего не ответит. — Просто ждал удобного момента. Мы поговорим через день, когда спустимся на равнину и выйдем к реке.

—Обещаешь?

—Обещаю. Мне нужно еще раз все как следует обдумать. Потом я поделюсь своими соображениями. Даже если они вам не понравятся.

—*Уж лучше худая правда, чем сладкая ложь.*

—*Иногда сладкая ложь лучше горькой правды.*

—*Это не по мне. А сейчас я хочу, как вчера.*

Килар опрокинул ее на спину и навалился сверху. Его губы слегка прихватили мочку уха, потом стали постепенно опускаться вниз: шея, грудь, живот. Ниже, еще ниже. Прикосновения напоминают горячие капли воска. Линн закинула руки за голову и прикрыла глаза. Тело вспыхнуло как пучок соломы, но в сердце засела ледяная иголка страха.

«Могу ли я верить ему как раньше?»

Ей сделалось не по себе. По спине пробежали мурашки.

«Что со мной? Почему я вообще об этом думаю?»

На пике совокупления ей удалось сдержать крик, и когда внутри все расслабилось, страх прошел, сменившись блаженной усталостью. А потом она уснула в его объятиях.

К вечеру горы отодвинулись назад, заслоня южный горизонт за их спинами. Густые белые туманы ползли снизу, из долины реки. Они не рассеивались до полудня, бледными струями растекаясь по ущельям, оседали на камнях и ветках обильной росой. В воздухе преобладали запахи незнакомых цветов, свежей хвои и влажной травы.

Дорога плавным серпантинном спускалась к подножью Сторожевого кряжа. Река ширилась на глазах. Путники уже могли разглядеть низкие берега, заросшие ядовито-зеленым тропическим лесом. Пышные султаны древовидных плаунов, саговников и хвощей торчали над сплошной массой листвы, словно встопорщенные волосы в испорченной прическе. Болотистые впадины заполняла черная стоячая вода похожая на застывший битум. За рекой леса уходили вдаль насколько хватало глаз.

Линн встала на пригорке и достала из кармана полоску вяленого мяса.

— Кажется эта местность абсолютно дикая. Никаких следов человека.

— Хочешь сказать, нам придется строить плот? — проворчала Робинс. — Из меня плотник, как из говна паштет. В армейской школе учат взводить курок, а не заколачивать гвозди. Но может у нашего спасителя есть особые таланты?

— Поживем увидим, — хмыкнул Килар. — Может мне и удастся вас удивить. Нам лучше поторопиться. К вечеру погода испортится.

Он указал рукой на юго-запад. Одинокий купол горы с рваной снежной шапкой, сопровождавший их на протяжении всего пути от перевала, ближе к полудню затянуло белесой дымкой. Спустя еще три часа не только эта, но и другие вершины исчезли в слое парного молока, и ровная граница облачности спускалась все ниже.

— Надо заранее позаботиться о ночлеге, — посоветовала Робинс, — Иначе нас просто смоеет со скал как гусиный помет.

Вскоре они наткнулись на перевернутый фургон. Передняя ось лопнула посередине, кованая втулка вылетела. Одно из колес валялось среди травы и щебня возле самой обочины. Никаких следов кучера, пассажиров и лошадей видно не было.

— Вот вам и следы человека, — Странник начал проверять разбросанные вокруг деревянные бочонки и сундуки.

— Не жми на гашетку пока не прицелился! Эта телега могла провалиться здесь несколько десятков лет, — Робинс всегда затевала спор, когда Килар озвучивал какую-нибудь новую идею. Это стремление к тотальному нигилизму превратилось у сержанта во вредную привычку. Если бы Странник взялся утверждать, что вода с горы обычно стекает вниз — Робинс без раздумий стала бы доказывать обратное.

— Люди давно ушли из этих мест, — добавила она назидательным тоном.

— Я так не думаю, — вмешалась Линн. — Лютер и монахи поселились на плоскогорье шесть лет назад, а после них здесь бывали и другие. Они не поднимались к перевалу, но на этой стороне мы находили старые кострища.

— Это еще ничего не доказывает. — Робинс уперлась наглухо. — Люди могли жить здесь раньше, но потом ушли или передохли.

Килар подошел ближе к повозке. Кузов обшит толстым брезентом. Из такой грубой непромокаемой ткани цвета хаки в советские времена шили туристические палатки и рюкзаки. В нескольких местах тряпка порвалась и истлела, но, в общем и целом, сохранилась неплохо. На передке фургона отпечатался какой-то знак, а ниже виднелась надпись, проштампованная белой краской. И то, и другое пострадало от воды и солнца, но, если хорошенько напрячь зрение, буквы все еще читались.

Письменность сродни латинской, но больше смахивает на ее финский или чешский вариант со смешными точками и закорючками, дополняющими нормальные буквы. Как всегда, Странник испытал прилив волнения, когда незнакомые литеры сложились в слова, и он понял их смысл:

ФЛЕТЧЕР & КО

мы осуществляем все виды транспортных перевозок

в пограничном округе Западная Присцилла

МЫ ДОСТАВИМ ЧТОУГОДНО И КУДАУГОДНО

ОТ РЕКИ ОЛОМУРО ДО КАНЬОНА СКЕЛЕТОВ

«Компания Флетчера наверняка обанкротилась. Вряд ли у них случался аврал с клиентами за последние лет тридцать. Если уж на то пошло, пограничный округ Западная Присцилла, скорее всего, давным-давно отменили».

—Колониальный *лэнг*, — Линн тоже изучила надпись на борту экипажа, — Диалект планетарных сепаратистов. Такие надписи встречаются на трофейной технике.

—Трофейной? Значит вы не потомки мятежников?

—Нет. Насколько я знаю, части в нашем секторе оставались верны Доминиону. На севере шли позиционные бои. До тех пор, пока это имело значение.

На следующем витке серпантина они увидели двуколку, сцепившуюся оглоблями с ломовой телегой. Вокруг валялись различные вещи: брезентовые кули с одеждой, ящики с соломой, набитые фарфором, мешки с мукой и овсом, даже старый проигрыватель с аналоговыми лентами, на которых записывалась музыка. В глаза бросалось обилие религиозной атрибутики: в основном медальоны, кресты и распятия. По крайней мере три Библии в переплетах из свиной кожи. Но никакого оружия или патронов. Бумага, одежда и съестные припасы пришли в полную негодность. В одном из ящиков Линн обнаружила морской компас в исцарапанном деревянном футляре с изображением розы ветров. Его стрелка вместо севера указывала на юг, в ту сторону, откуда они пришли.

Килар заглянул в кювет. На дне ущелья раскинулось целое кладбище гужевых повозок. Некоторые выглядели плачевно. Парусина превратилась в лохмотья, железо окислилось, деревянные части рассохлись и почернели. Другие экипажи сохранились лучше, но абсолютно целых среди них не было.

На расстоянии десяти-пятнадцати метров от сцепившихся возков, дорогу перегораживал огромный двухэтажный дилижанс с жёстким фанерным верхом. Он завалился на бок как выбросившийся на берег кит. Содержимое багажного отсека рассыпалось по всей дороге, словно поношенные вещи из запасов Армии Спасения. На дверях салона красовался знак компании «Флетчер & Ко». Ниже тянулся рекламный слоган: *«путешествовать с нами одноудовольствие! СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!»*

Килар сомневался, что путешествие пассажиров дилижанса было счастливым.

—Проклятые боги! — Линн вытащила из кобуры пистолет и беспокойно оглядывалась по сторонам, — Что здесь к чертям случилось? На них напали?

—Если бы они угодили в засаду, остались бы дырки от пуль, пятна крови или тела, — отозвалась Робинс, — а я не вижу даже гребаных лошадей.

Килар нагнулся, чтобы открыть медицинский саквояж. Внутри стилеты и зонды по-прежнему блестели, пуская зайчики на солнце. Их совершенно не коснулась ржавчина. Чуть поодаль валялся плюшевый медвежонок. Глаза-пуговицы уставились в небо. Килар поднял игрушку, отодрав ее от дороги. Свалывшаяся шерсть прилипла к камням как пакля.

—Я кажется начинаю понимать. — Килар бросил медвежонок в ущелье. — Все эти люди стремились пересечь барьер. Год за годом они оставляли свои дома и ехали на юг. Древняя дорога звала их. Они отправлялись по ней с надеждой отыскать утраченное равновесие в мире. Ни один из них так и не добрался до цели.

—Они просто исчезли! — Робинс уставилась на плюшевого мишку, распластавшегося внизу на камнях как жертва суицида. — Их забрало то, что сидит в этих горах? Я имею в виду не убийцу-отшельника. То, что создало Крест, то, что поддерживает магнитную аномалию. Оно ведь не только играет со временем. Оно питается душами?

—Откуда мне знать? — Странник взглянул на свое отражение в треснувшем стекле дилижанса. На лбу и вокруг глаз появились едва заметные морщины. Перевалив через горы, все они стали старше. — Хозяева гор оставили нас в живых и проводили восвояси. Свои секреты они приберегли для кого-то другого.

Путники шагали по дороге до самого заката. Облако на юге превратилось в угрожающее фиолетовое полотнище с белыми дымящимися краями. Лучи Пальмиры косо пронизывали его, создавая причудливую золотую резьбу в небе. В глубине туч мелькали отблески молний. Наконец, Килар скомандовал остановку. Он вышел на широкую поляну, отлого спускавшуюся к обрыву. Дорога огибала выступ скалы и круто ныряла вниз. Она тянулась по карнизу над пропастью почти в двести метров глубиной.

—Привал, девочки, —Странник сбросил рюкзак с ноющих плеч.

Они пренебрегли вторым послеполуденным отдыхом и теперь, на исходе дня, все трое чувствовали себя так, словно к их ногам привязали мешки с песком. Дорога, хоть и сохранившаяся со незапамятных времен, сильно пострадала от времени и стихии. Склон превратился в раздавленный слоеный пирог, приправленный осколками камней. Пробираться по этому безобразию оказалось совсем не просто.

Килар сопоставил картину разрушения с возрастом перевернутых повозок, и обнаружил, что не может увязать одно с другим. Причинно-следственные связи тут не работали. Либо все это скопище кибиток и фургонов перенеслось из долины на крыльях святого духа, либо геологические процессы в горах нарушали законы физики. Килар вспомнил рассказы Линн и Робинс о турбулентных сдвигах: координаты в пространстве дурачили людей, отказываясь подчиняться здравому смыслу, а пропавшие летательные аппараты находили через пару дней в джунглях без экипажей. И выглядели они так, словно пролежали в болоте несколько десятков лет. Не верилось, что такое возможно. Даже после всего пережитого, его понимание бытия восставало против очевидной бессмыслицы.

—Вон там, рядом с расселиной, неплохое место, — показал он, —С востока открытый кулуар и весь склон едва держится. Может сойти селевой поток.

—Селевой поток? —переспросила Линн.

—Лавина из жидкой грязи. А справа, сами посмотрите — сплошная твердая порода. И есть, где укрыться на случай дождя.

—На этот раз спорить не стану, —Робинс устала к концу дня и была не в настроении затевать очередную бессмысленную свару.

—Устраивайте лагерь, —распорядился Килар, —а я пойду гляну, что там внизу. Завтра доберемся до реки, и, сдастся мне, этот район неплохо заселен.

—С чего это ты взял? —насторожилась Робинс.

—Сами гляньте, —Килар опустился на корточки посреди дороги. Теперь и женщины обратили внимание на отпечаток сапога с высоким каблуком и заостренным носом. След совсем свежий, причем настолько, что позволяет сосчитать количество гвоздиков на подошве и даже разглядеть клеймо сапожного цеха.

—Вы знаете, с какой регулярностью здесь случаются грозы. Человек прошел тут самое позднее сутки назад.

Килар остался доволен собой. Со временем он научился подмечать даже самые незначительные детали, словно с глаз спала пелена. Сегодня ему удалось опередить такого завязатого следопыта как Робинс, а это дорогого стоило.

— Установим очередность дежурства, —продолжил он, —Аборигены вряд ли относятся к пришельцам дружелюбно. Первой будет дежурить Робинс —до полуночи, потом Линн —до восхода Валькирии и последним —я. До рассвета. Все ясно?

— Так точно, кэп! Будет исполнено, кэп! — Сержант щелкнула каблуками и шутливо отдала честь, приложив правый кулак к груди.

—Ага. Яснее не бывает, — Линн рефлекторно поправила кобуру на бедре.

Мгла быстро сползала вниз по склонам, создавая эффект преждевременных сумерек. Воздух казался спертым, как пар в консервной банке. Небо в разрывах туч приобрело цвет заплесневелого сыра. Килар подошел к краю обрыва и увидел в отдалении огни. Пять или

шесть мерцающих точек, тесно прижавшихся друг другу, как одинокое звездное скопление. Река катилась прямо перед ним — широкая и мутная от поднятого со дна ила. В подвижной массе грязной, розовато-коричневой воды присутствовало что-то неизъяснимо тревожное. Массивные силуэты выступали из потока: не то низкие скалы, не то опоры рухнувшего моста. Тень от тучи уже достигла противоположного берега.

Дальше к западу линия джунглей прерывалась, словно кто-то расковырял ее пальцем. Виднелись грязные проплешины и отвалы красного песка. Среди деревьев затесались какие-то строения, но расстояние не позволяло рассмотреть детали. Высота обрыва впечатляла. Огни, зажжённые человеческой рукой, казались отсюда бесконечно-далекими, словно туманные намеки из альтернативного уровня восприятия.

—Завтра мы спустимся к реке и найдем кого-нибудь? — Линн подошла к самому краю и заглянула вниз, туда, где уже лежала густая тень, не прекращающая своего беспокойного движения. — Это что-то значит для тебя, не так ли?

—Да, это важно. —Голос Килара слегка дрогнул. —Дорога существует лишь до тех пор, пока люди утаптывают ее ногами.

—Этим людям с нами не по пути, кем бы они ни были, —возразила Линн, —Твоя дорога особенная. Доступ к ней открыт только законченным кретинам.

—Ты снова права. Но на обочине полно свободного места.

В десяти километрах правее молния ударила в верхушку утеса. Через полминуты прозвучал гром. Склон над ними уже затянуло пеленой ливня.

—Значит это место никогда не было абсолютно пустым. —Линн все смотрела вниз, на тусклые огоньки, и ветер развеивал ее льянную гриву.

— Может это кто-нибудь из ваших? —спросил Килар.

—Скорее всего нет, —Линн придержала волосы рукой, — Мы уклонились далеко на восток от линии аванпостов, а пересекать границу строго запрещено. Мобильные пикеты стреляют без предупреждения. Но может это заблудившийся патруль? Хотя след на дороге странный. У армейской обуви другая подошва. Я не горю желанием встретиться со *своими*. Для нас с сержантом такая встреча не сулит ничего хорошего.

—Ладно, пойдем, —Килар последний раз взглянул на россыпь огней. Долина и река растворились в сумраке, —Эти люди близко, и нам известно о них только то, что они умеют добывать огонь. Что если это очередные дикари, склонные приносить в жертвы белых людей? Или какие-нибудь мутанты.

— Дикари и мутанты не делают фабричную обувь.

— Тем более не стоит отсвечивать тут у всех на виду. — Он отступил от пропасти и взял ее за руку. — Человек разумный опаснее любого мутанта.

Они едва успели добежать до укрытия, когда исполинская молния рассекла небо пополам и из образовавшейся прорехи хлынули потоки воды.

Дождь прекратился неожиданно, словно в небе завернули кран. Гроза сместилась восточнее и обрушилась всей своей мощью в долину реки. Там время от времени вспыхивали молнии, но грома слышно не было. Над горами тучи разошлись, открыв соседей в планетарном семействе: самый крупный Декурион, за ним Энлиль, Кали и совсем крошечная Немезида. Четыре ближайших спутника Валькирии, которые можно разглядеть невооруженным глазом. Мокрая земля отражала их бледный свет.

Робинс около часа сидела у входа в расселину, облокотившись о винтовку, потом встала, чтобы размять ноги. Безмолвие нарушалось только пением птиц. Она машинально порылась в кармане куртки в поисках табака, потом напонила себе, что курева не осталось. Это нервировало Робинс едва ли не больше чем все остальное. Без папирос она не находила себе места. Сегодня Линн и Килар легли отдельно, чтобы не мешать друг другу вставать на дежурства. К

тому же места под скалой едва хватало. Они занимались своей возней каждую ночь и думали, что она ничего не слышит.

Робинс сердито взглянула на Странника. Он спал, закутавшись в термическое одеяло. Робинс повернулась к нему спиной и отошла подальше, хотя больше всего на свете ей хотелось растормошить его, приставить к горлу пистолет и заставить повернуть время вспять. Ах, если бы он только мог!

Впрочем, действительно ли Робинс тосковала по прошлому? Ответ на этот вопрос залегал где-то за рамками безопасной зоны. Он уводил ее в пограничные области бессознательного, куда ей не хотелось заглядывать. То, что этот вопрос возник, говорило о серьезных проблемах с собственной идентичностью. Она мечтала вернуться к привычному существованию, и в то же время ее распирало нездоровое любопытство.

«Клянусь Рождением, я хочу увидеть его чертов небесный град, хочу узнать, что там внутри!» — Она впервые созналась себе в этом под большим секретом.

Могла ли она это принять?

«Я уже это сделала, — решила Робинс после долгих колебаний и яростных споров с собой. — Какого хрена ты сотворил со мной, Странник? Я не хотела вступать в твою гребаную секту. Тогда почему это произошло?»

Она спустилась со склона, перепрыгивая с камня на камень и стараясь не поскользнуться на мокрой неровной поверхности. Когда она ступила на дорогу, жидкая глина прилипла к сапогам, сделав их на полфунта тяжелее.

До полуночи осталось чуть больше сорока минут. Потом она разбудит Линн и постарается уснуть. Наверняка будет ворочаться с боку на бок не меньше часа. После вынужденного отказа от папирос она все время была на взводе и мучилась от мигрени. Странник уверял, что со временем это пройдет, но Робинс ему не верила. Ей вообще трудно с ним согласиться, даже если он выдвигает разумные идеи. Вот Линн почти всегда с ним согласна. Он ее словно околдовал. Робинс с невольной завистью думала о своих спутниках. Их интимная близость, их эмоциональная связь друг с другом. То, что они занимаются *этим* по обоюдному согласию и оба получают удовольствие, было для нее в диковинку. Порой, знакомая боль и чувство несправедливости обжигали ее изнутри, заставляя кусать локти в бессильной злобе. Отсюда постоянные мелочные свары по пустякам.

Черта сломала ее, но эта тайна хранилась под грифом «совершенно секретно». Если не можешь подтвердить допуск, иди на хрен, дубина! Те, кто о чем-то догадывался или знал ее историю по долгу службы, считали, что она отлично справляется. Идеальный солдат. Несгибаемая стойкость и свинцовое сердце в цельнометаллической оболочке. Что-то вроде бравурных маршей, которые транслируют через динамики на столбах перед началом военных парадов: «Тверже шаг! Нам не страшен лютый враг! Тра-та-та!»

Ну что за ерунда!

Робинс успешно пряталась за фальшивым образом. Но она была сломанной куклой, и ее разум все эти годы оставался миной замедленного действия.

Месяц и шестнадцать дней ее держали в грязной соломенной хижине, где слизи и пауки ползали прямо по ней, а кожа вспучивалась волдырями от сырости. Обычно день начинался для нее с *этого*, потом ее кормили кашей из фруктового жмыха и лесных орехов, иногда кидали обглоданные кости с остатками мяса, которые она грызла на полу как дворняга. В течение дня с ней делали *это* по нескольку раз. Сначала она пробовала сопротивляться, но спустя пару дней, синяя от побоев, уже послушно ложилась на спину или нагибалась вперед. Свинское существование подорвало ее силы и притупило реакции. Один из них порезал ей лицо осколком рога, оставив шрам на всю жизнь (не за какую-то провинность, просто от скуки), а она могла только жалобно скулить от боли.

Ее почти превратили в животное. Даже внешне она не многим отличалась от зверя, посаженного на цепь — чумакая, исхудавшая, вся в ссадинах, прыщах и струпьях, с колтунами в волосах. Что давало ей силы? Возможно ненависть к мучителям? Или пробудившаяся где-то на дне истерзанного сознания необходимость цепляться за жизнь, больше похожая на рефлекс, чем на осознанное стремление? Скорее всего, то и другое вместе.

И вот наступила последняя ночь ежегодного затмения, и случился лесной пожар, прикатившейся воющей стеной с севера. Ее мучители бежали, спасаясь от огня, и она тоже бежала, а утром очнулась на топком берегу речки, с головой, наполовину погруженной в зеленый ил. Потом Робинс тащилась через джунгли, сгорая от лихорадки, поедая горькую траву и плоды с деревьев, и когда ее случайно обнаружил аэромобильный патруль, она лежала на лесной поляне и готовилась умереть.

Медикам в госпитале потребовалось больше трех недель, чтобы поставить ее на ноги, и лечащий врач сообщил, что она беременна. Эта новость едва не лишила ее рассудка. Через семь месяцев у нее родятся дети. *Их дети!* Двое отвратительных убудков с маленькими, острыми зубками как у *пикси* — хищных древесных приматов.

Ночами Робинс не могла сомкнуть глаз. Ей все время чудилось, будто они лезут из нее как глисты — холодные, скользкие, покрытые редкими рыжими волосками. Она бежала в туалет и стояла на коленях словно послушница перед алтарем из нержавеющей стали, а ее желудок издавал звуки, не имеющие ничего общего с молитвой.

Следует в полной мере представить себе ее состояние, проникнуться всей глубиной ужаса и атавистического отвращения, чтобы понять, почему она решилась не только на извлечение зародышей, но и на последующую стерилизацию. Ей действительно казалось, что все дети, которые еще могут у нее быть, даже по всем правилам зародившиеся в пробирке, непременно станут чудовищами. Робинс представляла, как они копошатся рядом с ней в темноте, но вместо того, чтобы сосать грудь, прокусывают яремную вену и пьют кровь, подобно жукам-вампирам, паразитирующим на коровах и овцах. Эта устрашающая картина преследовала ее во сне и наяву. Психика Робинс превратилась в руины, а от огромных доз успокоительного она перестала отличать день от ночи.

Стерилизация стала последним исключительным средством, и никто по-настоящему не верил в успех. Но чудеса иногда случаются. Робинс вернулась к жизни. За ней наблюдали еще полгода, и когда стало ясно, что рецидив невроза маловероятен (фактически его возможность сводилась к нулю), ее выпустили из больницы, а еще через пару месяцев, по окончании реабилитационного периода, разрешили вернуться на службу.

Все плохое когда-нибудь заканчивается? В случае с Робинс старая присказка не сработала. Она вернула себе здоровье и боевые навыки, но навязчивый страх перед возможным повторением кошмара сделал ее калеккой. В этом заключалась ее тайна: Робинс не могла любить, и ее тело не способно произвести на свет новую жизнь.

Рапорт о переводе на южные рубежи отклонялся дважды. Начальство не хотело терять такого ценного сотрудника. В третий раз ее ходатайство удовлетворили. Никто не может так долго испытывать судьбу, крошка! И она получила то, что хотела. А потом ее встретил Странник. Твердая скорлупа, так долго заменявшая ей весь остальной мир, треснула и рассыпалась на куски. Рассыпалась раз и навсегда.

Робинс остановилась посреди дороги и вытерла глаза рукавом. Она всегда плакала, когда вспоминала о своей тайне, но ее слез не видел никто. За долгие годы она научилась владеть собой. Она научилась быть сильной.

Смена почти закончилась. Часы на руке показывали без пяти минут полночь. Робинс уже собиралась повернуть обратно к укрытию, когда перед ней, словно из-под земли, вырос человек. Незнакомый мужчина. Она не слышала звука шагов и могла поклясться, что их и не

было. Не шевельнулась ни одна ветка, не хрустнул ни один камешек. Человек просто выпал из пустоты как приведение. Он двигался совершенно бесшумно.

Робинс вскинула винтовку, и к ее виску прижался холодный металл.

— А теперь будь умницей и брось пушку, — приказал незнакомец.

Серый парусиновый плащ, белая широкополая шляпа и высокие сапоги с узкими носами. В свете звезд лицо пришельца отливало смертельной бедностью. Тени под глазами и резкие складки по бокам рта лишь усиливали это впечатление.

Сердце Робинс громко заколотилось.

— Брось свою модную железяку, киска, — прошептал ей на ухо другой голос, сладковатый и вкрадчивый, — Не вводи нас во искушение.

— Что вам нужно? — выдохнула Робинс, обращаясь к мужчине с бледным лицом. Она отметила непривычный диалект ночного пришельца. Колониальный лэнг, как сказала недавно Линн. Большинство слов ей знакомы, но ударения ставятся немного иначе, а предлоги и окончания разбросаны так, словно их нарочно перемешали.

— Здесь я задаю вопросы, — Бледноликий смотрел на нее холодно, не моргая, — Положи оружие на землю, а то дружище Сид уже начинает нервничать.

— Точняк, — Сид хихикнул у нее за спиной.

Дуло мелкокалиберного револьвера скользнуло по виску и неожиданно впилося ей в ухо. Робинс сжалась от боли. Струйка крови потекла по шее, щекоча кожу.

— Клади винтарь на землю, киска, или через твою прелестную головку можно будет любоваться видами. — Сид протолкнул ствол еще глубже и повернул по часовой стрелке. Мушка ободрала ушную раковину. Боль пронзила голову насквозь. Кровь потекла сильнее. Робинс вскрикнула и уронила винтовку под ноги. Ее всю трясло. Мерзавец за спиной расстегнул ее кобуру и забрал пистолет.

— Козырные у нее игрушки, а, Крэйг? Я бы от таких не отказался. И одежонка как из книжки старика Хэла. Это ведь настоящий *синтет*?

— Умница, — бледноликий не торопился отвечать подручному. Он чихнул и вытер ладонью нос, что немного смазало производимое им впечатление. — Делай, что тебе велят и все останутся довольны. — Он посмотрел мимо нее на Сиду, и его глаза неприятно сузились. — Если снова сделаешь ей больно, я отстрелю тебе яйца.

— Но, Крэйг, что уж и пошутить нельзя...

— Я все сказал, шутник. В следующий раз твои шары будут плавать в луже.

Бледноликий махнул рукой, и у него за спиной возникли три темных силуэта. Еще мужчины, и все с оружием. Робинс понимала: ее дела плохи. Эти люди скорее всего местные дикари, безмозглые и агрессивные, как взбесившиеся сортирные крысы. В голову им могло прийти все, что угодно. Но разве ей это не знакомо?

— Присмотрите за ней, а мы с Джокером займемся двумя другими. И помни, Сид — я сделал тебе последнее предупреждение, — Крэйг исчез так же бесшумно, как и появился. Он словно открыл в воздухе невидимую дверь и вошел в нее.

Ствол револьвера покинул ухо с влажным шлепком. Робинс снова вскрикнула. На глаза навернулись слезы. Кровь продолжала сочиться, оставляя темные полосы на куртке. В голове стучал бешеный пульс и пересыпалось битое стекло.

Рука Сиды проскользнула у нее под мышкой и сдавила левую грудь. Теперь он прижимался к ней всем телом. Она чувствовала затылком его прерывистое дыхание. От него несло табачным перегаром, алкоголем и потом. Запах спирта бил в нос сильнее всего. Этот подонок недавно приложился к бутылке, и теперь ему море по колено. Угрозы вожака он пропустил мимо ушей или не сомневался в своей безнаказанности.

Сид облапал ее, потом рванул воротник куртки. Три верхние пуговицы отлетели. Он провел языком по шее Робинс, сунул кулак между ног и принялся возить им взад-вперед, как

будто решил сделать ей массаж. Робинс задрожала от отвращения, к горлу подкатило, и она начала задыхаться. Что-то страшное случилось со зрением. В мозгу словно дернули рубильник. Она все еще смотрела вперед, на дорогу: там стояли трое подручных Крэйга. Но их фигуры померкли, а перед глазами вспыхнул свет

Она пересекала широкую зеленую поляну. Из глубины леса доносился вой преследующих ее тафу. Под ногами мелькал пестрый ковер травы и синих лесных цветов. Посреди поляны гудели турбины рекера, набирая стартовые обороты. Аманда Элинс и Глория Трум одна за другой заскочили в открытый кормовой люк. Робинс слышала, как Глория кричит пилоту, чтобы та взлетала.

— Шевели задницей! Они догоняют! — вопила Белла Тоу, стремительно работая длинными тощими ногами. Из леса вылетела стрела и воткнулась ей под лопатку. Белла упала, вскинув руки в почти грациозном жесте восхищенного поклонения. Она перекатилась на спину, вогнав обломившуюся стрелу еще глубже в свои легкие. Из рта хлынула кровь, повиснув тяжелыми липкими каплями на стебельках травы.

Робинс повернулась в сторону леса, откуда уже выбегали волосатые люди, увешанные деревянными бусами и разноцветными перьями. Она приложила щекой к прикладу, и уложила двоих. Остальные остановились. За спиной двигателя рекера издали звук, похожий на свист кипящего чайника и оторвали машину от земли.

— Куда! — закричала Робинс. Она не могла поверить своим глазам. Матово-серая громада плюнула конусами голубоватой плазмы и взмыла над поляной. Плоское днище, облицованное пластинами керамики, проплыло над ней, заслонив небо. Струя горячего воздуха сбила с головы красный гвардейский берет.

— Нет! Вы не можете оставить меня здесь одну! Заберите меня отсюда!

Но рекер улетал, все выше поднимаясь над верхушками деревьев. Робинс разрядила остаток магазина вслед исчезающей вдали машине. Толпа дикарей издала дружный вопль и бросилась к ней через поляну. Робинс швырнула в них винтовку, дернула из кобуры пистолет, успела выстрелить кому-то в ногу, но спустя мгновение десятки рук уже хватали ее, валили на землю, рвали в клочья одежду.

Она изогнулась, пытаясь вырваться из кольца их размалеванных, оскаленных лиц, напоминающих перекошенные яростью морды бесов на старинных гравюрах. Головные уборы из перьев колыхались как водоросли под напором течения. Дикари окружили ее со всех сторон, растягивая на земле, словно для распятия. Еще мгновение, и она почувствовала в себе твердую плоть одного из них. Первого из многих. Боль заставила ее зажмуриться, и когда кровь потекла по ногам, Робинс громко закричала

Истошный вопль полоснул по больному уху как опасная бритва. Сид испуганно отшатнулся, и Робинс поняла, что слышит собственный голос. Сознание прояснилось. Она ударила его локтем в солнечное сплетение, отбросила назад резким ударом ноги, и нагнулась, чтобы схватить винтовку. Ей это почти удалось. Пальцы нащупали в темноте металл. Еще несколько дюймов, и она сможет постоять за себя. Она прикончит их всех!

Чьи-то большие жилистые руки поймали ее в движении, приподняли над дорогой и рванули назад. Перед ней возник некто высокий и грузный, в зеленом суконном мундире с блестящими пуговицами, и Робинс пнула его ногой ниже живота. В горле верзила что-то забулькало, он согнулся пополам и упал на колени, продолжая жалобно голосить. Но двое других свалили ее на землю и прижали лицом к дороге. Робинс попыталась снова закричать, но в рот ей набилась сырая глина.

«Белле повезло. Ей позволили умереть быстро»

«Но это не Резервация! Это Сторожевой кряж! И они совсем не те тафу!»

Но Робинс уже знала: это именно *те тафу*. Все прочее обернулось сном. В реальности существовала только усыпанная цветами поляна и лес, выбросивший из себя орду варваров. И свист двигателей удаляющегося на юг рекера.

«*Но почему так быстро стемнело?*»

— Свяжите ее, эта сучка кусается!

— Держи крепче, не зевай!

«*Где их перья? Когда они успели снять перья?*»

Робинс оборвала эту мысль, мгновенно распознав знакомый безумный мотив, но он продолжал биться в голове вместе с пульсом. Все это слишком знакомо. Нет, не так! Просто это происходит с ней заново. Это будет происходить снова и снова.

«*Трусливые сволочи бросили меня! Они улетели и бросили меня в аду!*»

«Нет, во имя Рождения! Все совсем не так!»

Робинс охватила слепая паника, и она дернулась изо всех сил. Ей больно выкрутили руки, надавили коленом на поясницу. Кто-то схватил ее за волосы и еще глубже сунул лицом в грязь. Запястья начали обматывать веревкой. В этот момент уверенность в том, что прошлое повторяется, захлестнула ее целиком.

Глава 2

Петля судьбы

Странника разбудил не шум на дороге и не звук приближающихся шагов и даже не мужской кашель. Его насторожил запах табака. Килар плавал в поверхностных слоях дремоты, стараясь ухватить блуждающие в голове мысли.

«Робинс курит Но откуда она взяла папиросы?»

В нескольких шагах от стоянки кто-то приглушенно кашлянул, и этот короткий звук наполнил его безотчетным ощущением опасности. Странник втянул ноздрями табачный дым и вспомнил, что последнюю самокрутку они с сержантом разделили еще в пещере, на той стороне кряжа. Капля дождевой воды просочилась сквозь трещину в камне и упала ему на щеку. Килар стер ее ладонью, окончательно избавившись от сонливости, и в этот момент со стороны дороги прозвучал душераздирающий женский крик. Он подскочил как ошпаренный, сбросив термическое одеяло. В лицо уперлось граненое дуло ружья.

— С добрым утром, телячья морда! — поприветствовал его неприятный, хриплый баритон. — Мы решили устроить тебе сюрприз. Правда, парни?

В ответ раздались смешки. Килар сделал неутешительный вывод, что его окружают по меньшей мере человек шесть. Кобура в изголовье пуста, и винтовки под рукой нет. Ловкие мерзавцы. Остался раскладной нож, но он ничем не поможет.

«Откуда они взялись?»

Бессмысленный вопрос. Конечно снизу, из поселения в долине.

— Можно узнать, кто вы такие?

— Кто мы такие? — передразнил все тот же хриплый голос. Другой громко заржал. — Я Иисус Христос, а вон тот коротышка с рябой физиономией — Апостол Петр, а этот голенастый шпынь в дурацкой шапке — брат его, Андрей.

Снова взрыв хохота со всех сторон.

— Ну как, удовлетворен, *el maldito extrano*?

— Смотрите какие чудные стволы, да и вся остальная снаряга тоже!

Кто-то нагло перетряхивал их имущество.

— Сплошное новье. Интересно, где они все это раздобыли?

— Может обчистили тайный склад федералов?

— Разуй глаза, у серых такого отродясь не водилось.

Справа, там, где лежала Линн, послышались звуки борьбы. Килар оттолкнул в сторону ружье и рванулся с земли. Из темноты вылетела нога в грязном военном башмаке и ударила его в челюсть. Лицо обожгло болью. Странник шлепнулся на спину. Зубы с отвратительным звуком лязгнули друг о друга.

— Стервец... — Килар сплюнул кровью. — Зря ты это сделал. Если один из вас, говнюков, причинит вред девушкам

Кто-то врезал ему ногой по ребрам, сбив дыхание. В правый бок как будто воткнули тупое сверло и медленно провернули.

— Закрой пасть! — прорычал хриплый баритон.

Кто-то разразился потоком отборной брани. Потом звук шлепка и новая порция ругательств. Странник нащупал в кармане нож и опять попытался вскочить. Все тот же грубый ботинок впечатался ему в грудь. Килар сильно приложился затылком о камень. В глазах полыхнули искры.

«Линн! Что они с ней делают?»

Странник понял, что, если в ближайшие тридцать секунд не получит исчерпывающий ответ, с ним произойдет нечто ужасное.

— Джокер! Беркович! Прекратите немедленно! — Новый мужской голос, негромкий и сиплый, будто простуженный. Он слегка растягивал слова. Все они, на взгляд Килара, говорили с акцентом как торговцы из Средней Азии. — Хотите рассердить Флетчера? Этот *extrano* и его девки нужны ему целыми и невредимыми.

«Флетчер. Откуда я знаю это имя?»

Килар дотронулся до подбородка и отдернул руку.

— А теперь медленно вставай, — скомандовал хриплый баритон. — И следи за тем, чтобы в твоей голове блуждало поменьше плохих мыслей.

Килар осторожно поднялся, сморщившись от рези в боку. Он решил, что по крайней мере одно ребро треснуло, а может и два.

Джокер оказался среднего роста, широкоплечим и усатым. Одет в рубашку цвета хаки с закатанными рукавами и грязные парусиновые штаны. На голове форменное кепи с надломленным козырьком. На правом бедре — потертая кожаная кобура. Из нее торчит рукоять револьвера. В петлях на поясе поблескивают патроны. Пули мягкие, безоболочечные, как будто отлитые вручную. Гильзы старые, со следами использования — явно снаряжались повторно в кустарной мастерской. А вот сам револьвер имеет все признаки заводской штамповки.

Рядом стояли другие. Мускулистый коротышка со следами оспы на лице, в зеленом военном френче, держал Килара под прицелом карабина — почти точной копии винтовки Спенсера второй половины девятнадцатого века с хорошо узнаваемой качающейся затворной скобой. Позади топтался бесцветный тип, обладатель клочковатой бороды и унылого взгляда. Этот держал в руках длинное ружье, отдаленно напоминающее капсульную винтовку Энфилда. Чуть дальше маячили еще три и или четыре фигуры.

— Связывайте их и ведите к дороге! — Теперь Килар видел человека, отдающего приказы. Лет сорока, высокий и худощавый. Кожа как свечной воск — краше в гроб кладут. Глубокие складки по бокам рта словно выдолблены стамеской.

— Флетчер желает видеть их у себя в гостях живыми и невредимыми, — повторил он, видимо для особо одаренных, — Надеюсь, вы, засранцы, понимаете, что означает слово «невредимыми»? Эти трое нужны Пресвитеру одним куском и не испорченные.

Командир поправил миссионерскую шляпу с плоскими полями, прикрыл лицо рукавом брезентового плаща и смачно высморкался.

Джокер обыскал Килара, забрал нож, потом толкнул в спину и выгнал на дорогу, где уже стояли Линн и Робинс в окружении нескольких головорезов.

Одеты кто во что горазд, но с намеком на уставное единообразие. Смесь гражданских тряпок и поношенной военной формы. У всех стрелковое оружие. Некоторые образцы выглядят архаично, словно их достали из запасников музея или собрали в соседнем гараже. Другие вполне современные, хоть и не новые. Пара штурмовых винтовок. Есть даже ручной пулемет с откидными сошками. Его держал наперевес здоровенный чернокожий детина. Поверх засаленного оливкового мундира скрещивались патронные ленты, как у революционных матросов, штурмующих Зимний в бессмертной картине Эйзенштейна. Бывшие военные, дезертиры? Очень похоже. Сплошь крепкие мужики, и ни один не кажется зараженным. Правда Лютер на первых порах тоже неплохо притворялся.

Джокер завел ему руки за спину и связал льняной веревкой. Килар боялся, что тот затянет узлы слишком туго и перекроет кровоток, но путы легли как надо — достаточно плотно, но не врезались в кожу. Джокеру не впервой работать с пленниками.

Женщины уже были связаны. Лицо Робинс с одной стороны покрывал слой грязи, куртка порвана и наполовину съехала с левого плеча, словно ее пытались раздеть. Килару не понравив-

лось ее состояние: взгляд отсутствующий, стеклянный и двигается безвольно, как под гипнозом. Линн казалась скорее сердитой, чем напуганной. Из носа сочилась кровь. Она втягивала ее ноздрями, но кровь все текла и текла.

Растерянность первых минут почти прошла, и на ее месте расцветала злость. Желтоглазые кочевники воспринимались как обезличенная сила природы. Глупо испытывать ненависть к торнадо или к наводнению, смывающему посевы. Лютер, несмотря на все его коварство и двуличие, указал Страннику путь, хоть и проклял напоследок. Между ними возникла странная мистическая связь. Килар убил его, не испытывая удовольствия. Просто Лютер стоял на пути, и его следовало устранить. Сейчас их окружали отъявленные негодяи, выбравшие эту стезю осознанно, как говорится, по зову сердца.

Странник пристально взглянул на Джокера.

«Ты будешь мертв!» — мысленно пообещал он. Внутри занялось темное пламя, которое в состоянии погасить лишь смерть одного из них.

Бандит коротко размахнулся и ударил его кулаком в лицо. Килар с трудом устоял на ногах и выплюнул свежую кровь.

— Нечего пялиться на меня, телячья морда! — протявквал Джокер, — Я тебе не вывеска! Старина Джокер тебе не чертова вывеска!

— Как скажешь, красавчик, — Странник заставил себя улыбнуться, несмотря на то, что любое движение челюстью причиняло резкую боль. — Конечно ты не вывеска. Ты просто очко в клозете, дырка от задницы. В общем, пустое место

У него не было ни малейшей возможности защититься от следующего удара. Физиономия Джокера стала пунцовой, но в глазах промелькнула нерешительность. Усы встопорчились как у кота. Не привык получать отпор и без стержня внутри. Этот тип изображает крутого мудака, но на самом деле мягкий как медуза.

Странник рухнул плашмя. Разрывающий шквал боли пронесся между поврежденными ребрами. Килар не выдержал и застонал.

— Нет! — Отчаянный крик Линн, — Пустите, ублюдки! Отвяжитесь! Тупые скоты! Уберите от меня свои лапы! Килар! Не смейте его трогать!

Робинс не издала ни звука. Как будто ее здесь не было.

Джокер несколько раз пнул его башмаком, потом схватил за грудки и начал трясти, осыпая ругательствами. Килар едва замечал его. Рассудок отъехал куда-то в сторону. Он снова разглядел очертания дороги, как прежде за воротами перевала. А впереди, там, где, гладкое смоляное полотно сходилось в одну точку, возвышалось причудливое сооружение со стенами из неограниченных алмазов или горного хрусталя. От него исходили лучи чистого, белого сияния. Так ярко, что становилось больно глазам.

«Небесный град Скиния. Боже правый! Кажется, я вижу Скинию!»

Кто-то ухватил Джокера за загривок и отшвырнул в сторону как щенка. Мужчина в миссионерской шляпе склонился над Киларом и глядел на него как на интересный выставочный экспонат. Джокер хоть и уступал бледнолицому в росте, но выглядел заметно плотнее. И все же тот справился с ним на удивление легко.

— Меня зовут Крэйг Салливан, — медленно протянул командир. — В этих местах все принадлежит моему боссу — Флетчеру Доновану. Даже грязь под ногами и воздух, которым вы дышите. Это задница мира, парень. Долбаный край света. Судьи и присяжные далеко. Люди здесь привыкли жить по своим немудреным правилам

— Теперь ты тоже в круге, — сквозь зубы прохрипел Странник. — Мне жаль тебя, Салливан. Мне жаль всех вас.

Крэйг слегка подался назад. Он что-то уловил в глазах Килара.

«Ты один из нас, — догадался Странник. — Очередная составляющая в ряду Фурье. Еще один множитель в уравнении. И тебе от этого никуда не деться».

Килар разрушил суперпозицию, отстоял право на свободу выбора и одновременно продолжал оставаться точкой притяжения, ключевым элементом в цепи переменных глобальной волновой функции. Все, кто вступал с ним в контакт, сами запутывались и становились частью квантового парадокса.

— Трижды подумай, прежде чем открывать рот, — На лице Крэйга впервые что-то поменялось. Между бровями обозначилась едва заметная складка.

— Тебе стало не по себе? — Килар пересилил боль и уставился прямо в выцветшие глаза Крэйга, — У меня плохие новости, Салливан: ты попал в историю. Колесо вертится, его не остановить. Кто-то должен был сообщить тебе об этом.

Крэйг выпрямился.

— Поставьте на ноги этого умника! Нет, не ты, Джокер. Лом! Теперь ты и Беркович за него отвечаете. Мелвин, Сантьяго, Фрай — тащите сюда их пожитки. И не дай вам Бог что-нибудь прикарманить. Пресвитер с вас шкуру спустит. Сид, покажись!

Килар успел приподняться и сесть. Из шеренги дезертиров выступил один: молодой, кучерявый, с жиденькой рыжей бородкой и черной повязкой на глазу.

— Крэйг, какого черта...

— Я предупреждал тебя, Сидней Пэк? — Лицо командира отличалось полным отсутствием мимики. Двигались только губы, словно закрепленные на шарнирах. — Мне плевать, куда ты суешь свой хер. Но ты нарушил приказ. Этого я стерпеть не могу.

— *Сношалья* твои приказы! — Сид оскалил зубы как хорек. — Мы теперь не в армии! Подумаешь, решил осчастливить шоколадную красотку!

Он схватился рукой за ширинку, обернулся к женщинам и принялся двигать тазом взад-вперед. Его рыжие брови извивались как черви.

— Не хотите отсосать, шлюхи? Давайте, заглатывайте по очереди...

Рука Крэйга метнулась между поясом и ремнем с невероятной скоростью. Странник видел похожие трюки в фильмах про Дикий Запад, но сомневался, что такое можно повторить в реальной жизни, а не на съемках. Раздался короткий треск, словно переломили ручку от швабры. Сид зажал обеими руками промежность, как футболист, поставивший «стенку» во время штрафного удара по своим воротам. Ноги слегка подогнуты, колени направлены вовнутрь, рот распахнулся в виде заглавной буквы «О».

Крэйг держал в правой руке револьвер, похожий на знаменитый Кольт «Миротворец». Штаны невоспитанного смутьяна начали пропитываться чем-то темным. Кровь да это была именно кровь брызнула между пальцами и потекла на дорогу. Сид шагнул вперед, все так же согнувшись в нелепой позе футбольного защитника, издал протяжный горловой крик и упал лицом в грязь. Крэйг большим пальцем взвел курок и выстрелил ему в затылок. Кучерявая голова Сиды подпрыгнула над дорогой. Никто не издал ни звука. В гробовой тишине Крэйг убрал оружие в кобуру, высморкался, утерся рукавом.

— Цирк окончен. Собираемся и в путь.

Он повернулся к Килару и несколько секунд внимательно его разглядывал. Потом достал из нагрудного кармана самодельную папиросу.

— Ты меня беспокоишь, парень. — Он прикурил, чиркнув спичкой о пряжку ремня. — Не знаю, что с тобой не так, но будь уверен: Флетчер вытянет из тебя все секреты. Беседовать с ним — это как оправдываться перед Создателем на страшном суде.

Килар терпеливо пережил момент, когда двое бандитов вздёрнули его на ноги. Болело все подряд. Казалось, в нем не осталось живого места.

«И угораздило же нас. Почему мы вели себя настолько беспечно?»

Никто не спешил отвечать. Чужие голоса молчали. Жар и Кассандра оставили его в покое и занялись своими делами.

Над тобой более никого нет, но вокруг тебя — многие.

Долговязый хмырь в серой матерчатой рубаше и зеленых военных бриджах с эластичными подтяжками толкнул его к Линн и Робинс.

— Не смущай меня, паразит, — пробурчал он прежде чем занять свое место в колонне, — Я тебе того... Ничего себе дядя! Ломом кличут. Знаю я таких как ты, колдовская гнида! Вздумаешь шутки шутить — живо приструню. Ну ты, в общем, меня понял.

Килар кое как продышался и выдал из себя скупую усмешку.

— Ты в порядке? — Линн придирчиво осмотрела его избитое лицо, — Выглядишь неважно. Обязательно было их провоцировать?

— У меня крепкая голова. Нам пока ничего не грозит.

— Ага. Еще скажи: «у меня все под контролем». — Линн попыталась вытереть разбитый нос о воротник куртки. — Думаешь, эти ублюдки извинятся за недоразумение, а потом отпустят нас на все четыре стороны? Черта с два — если они вот так, запросто, вышибают мозги друг другу! Они же настоящие психи.

— Не имеет значения. Доверься мне, милая.

— Это ведь не Черта... — пролепетала Робинс. У нее заплетался язык и голос дрожал. — Но как похоже. Во имя Рождения! Как похоже.

Ее глаза оставались пустыми, словно из нее вынули душу.

— Этого не должно было случиться, — шепнула Линн. — Я и раньше догадывалась, что вся эта солдатская бравада — сплошная видимость. В ней всегда чувствовался какой-то надлом. А теперь она может сойти с ума. Надеюсь там, на верхнем этаже, кто-то все еще следит за нами. И этот кто-то поможет все исправить.

Килар в очередной раз вспомнил слова Кассандры.

— Жаль тебя разочаровывать, но над нами пусто. Зато вокруг кого только нет.

— Это никогда не кончалось, — совсем тихо сказала Робинс. — Они прямо здесь. *Они всегда были здесь!*

Странник понял, что его внутренняя уверенность стремительно разжижается и стекает куда-то к пальцам ног. Нужно вернуть себе свободу в самое ближайшее время, иначе они наверняка потеряют Робинс. А вместе с ней потеряют все.

— В дорогу, засранцы! — распорядился Крэйг Салливан. — Флетчер хочет поприветствовать наших гостей лично, так не будем испытывать его терпение!

— А ну, шевелитесь!

— Давай, давай! Двигай своими ходулями!

Они начали спускаться, подгоняемые тычками в спину. Перед ними на фоне встающей над горизонтом Валькирии, раскинулась Западная Присцилла и река Оломуро.

Путь к подножью обрыва оказался сущим кошмаром. Дожди разрушили песчано-гравийную основу тракта. Вода проточила в ней глубокие русла. Дорога теряла устойчивость и понемногу сдвигалась к пропасти, обваливаясь туда целыми участками. Странник вспомнил о кибитках и фургонах, неким волшебным образом оказавшихся в паре десятках километров выше по склону. А ведь Лютер и убитые им монахи тоже приехали сюда на повозке. Неужели шесть лет назад эта дорога все еще оставалась проезжей? Реальность сдвинулась, и шесть лет превратились в шестьдесят.

Крэйг Салливан приказал освободить пленникам руки, закрепить их в одной связке с Ломом и двигаться гуськом.

— У тебя могут возникнуть разные нехорошие мысли, — Джокер оттеснил Лома в сторону и сам опоясал Килара веревкой. — Так вот, *думать*ты можешь, о чем угодно. Мне насрать, что варится в твоём котелке. Но если ты решишь что-нибудь *сделать*, две хорошенькие пташки живо вспорхнут следом за тобой.

Килар в первый момент не понял, на что намекает Джокер.

— Боишься, как бы я не пожертвовал жизнью, чтобы отправить в полет нескольких из вас? Ты видно шутишь, красавчик.

Джокер схватил его за ворот и прижал к гранитной стене.

— Старина Джокер *никогда* не шутит со смертью!

— Спокойно, Джо, дыши ровно, я тебя понял, — Левая половина лица посинела и опухла, но Килар не смог удержаться от улыбки. — Если будешь и дальше так напрягаться, может пробку сорвать от натуги, а здесь итак дышать нечем.

— Я задушу тебя, гад! — прошипел Джокер, приблизив раскрасневшееся лицо вплотную к лицу Странника, — Еще одно слово, и ты труп!

— Джокер! — раздался окрик Крэйга.

— Побереги нервишки, Джо. — Улыбка Странника от боли превратилась в гримасу. — Сказал же: нет проблем. У тебя плоховато с чувством юмора.

— А у тебя плоховато с мозгами, телячья морда! — Джокер выпустил его куртку и принялся по третьему разу проверять узлы. — Ты не очень долго испытываешь терпение старины Джокера, так что я подожду еще чуток, поберегу нервишки. Но скоро мне это надоест, а Крэйг не всегда будет ошиваться рядом.

— Жду не дождусь.

— Я запретил тебе приближаться к пленным. — Крэйг ткнул в Джокера пальцем: ни дать ни взять, суровый учитель, отчитывающий школьного хулигана.

— Не хочу, чтобы с этим *extrano astuto* возникли проблемы. — Джокер отступил в сторону и вызывающе положил руку на оружейный пояс, — Ты тут строишь из себя большого начальника, а пленник смеется над тобой и делает, что пожелает. Лом кретин. Он даже веревку как следует завязать не может. У нашего ловкача ум как у *вербера*. Оглянуться не успеешь, как он всех вас оставит в дураках. Да я его насквозь вижу!

— Лом будет делать свою работу, а ты — свою, — негромко, но внятно подчеркнул Крэйг, — Или решил, что сам можешь отдавать приказы?

В воздухе повисло напряжение. Крэйг небрежно откинул полу плаща, но оружие не трогал, просто не мигая смотрел на Джокера. Тот набычился, пальцы потянулись к рукоятке револьвера, но он вовремя спохватился и отдернул руку. Старина Джокер был кем угодно, но только не дураком. Губы Крэйга слегка растянулись:

— Иди в конец группы. Следи, чтобы не суетились и страховали друг друга.

Джокер удалился. Крэйг прочистил нос и харкнул на землю.

— Ты продолжаешь наглеть, парень. Лучше веди себя поскромнее. Флетчер не переваживает выскочек. Он кормит ими дворовых собак. — Странник не успел ответить. Крэйг уже отвернулся от него и покрикивал на своих людей: — Кончайте щелкать клювами, засранцы! Я иду первым, Лом — сразу за мной. Потом вы трое. За ними все остальные в колонну по одному. Джокер замыкающим. Вперед!

Четырнадцать человек — трое пленных и одиннадцать конвоиров медленно двинулись вдоль склона горы.

— Чего ты добиваешься? — шепнула Страннику Линн. — Хочешь, чтобы они отвели тебя в сторонку и пристрелили?

— Они этого не сделают, — успокоил ее Килар, — Все здесь до смерти боятся злого дядю Флетчера. А ему мы нужны живыми.

— Довольно мрачная фигура, не так ли?

— Точно. Думаю, он по-своему выдающийся человек.

— Хватит болтать, колдовская гнида! — Лом дернул свой конец веревки, и Килар едва не упал. Пласт земли под ним раскрошился и посыпался к краю обрыва.

Он случайно взглянул вниз, и его мошонка болезненно поджалась. К этому времени уже начало светать. Странник разглядел в сорока метрах под собой рыжеватые осадочные пласты.

Сквозь толщу глины и богатой железом красной земли проступали вздыбленные плечи скал. Ручейки песка и мелких камешков стекали в пропасть без каких-либо видимых причин. Дорога под ногами балансировала на грани обвала уже многие годы.

Перед ними в синей предрассветной мгле раскинулась впечатляющая панорама девственных лесов, пересеченная с запада на восток широкой полосой реки. Сверху Килар видел цепочку зеленых островков между северным рукавом и основным руслом. Связывающая их песчаная отмель напоминала рыбий хребет. Там, где она заканчивалась, в воде стояли три обшарпанных бетонных кессона. Пролеты моста обвалились в реку и лишь кое-где торчали над поверхностью переплетением ржавых металлоконструкций. В месте, где когда-то древний тракт перебирался с правого на левый берег, образовалась запруда из стальных ферм, кусков бетона и расщепленных древесных стволов, принесенных во время паводка. Течение там закручивалось, образуя пенные буруны. Даже отсюда чувствовалось напряжение вставшего на дыбы потока.

Люди двигались вдоль отвесной стены, словно мухи по стеклу. Вскоре они достигли места, где карниз рухнул окончательно. Склон горы уходил вниз под углом сорок пять градусов, пока не обрывался в пустоту на расстоянии вытянутой руки. Для передвижения оставалась только узенькая гранитная полка, куда едва можно было поставить ногу.

Крэйг переполз через опасный участок, цепляясь за трещины и углубления в камне. Лом почти сорвался, когда его сапог спихнул вниз несколько расшатавшихся осколков. Странник живо представил себе, как Лом, кувыряясь, падает в бездну, а связывающая их веревка увлечет следом за ним сначала Килара, а потом и обеих женщин.

— Давай, парень, не разочаровывай нас! — крикнул ему Крэйг с другой стороны провала. — Ребятам не понравится, если они опоздают из-за тебя к завтраку!

Упоминание о еде заставило желудок Странника свернулся крючком как хвост скорпиона. На лбу выступила испарина. Не то чтобы он страдал выраженной боязнью высоты, но все же старался избегать таких приключений.

— Ты в порядке? — спросила Линн.

— Я отлично себя чувствую, милая, — Он наклонил голову к самому ее уху, — Все это скоро закончится, я тебе обещаю. Только пожелай мне удачи.

— Удачи, незнакомец.

— Присмотри за Робинс, если сможешь.

— Ага. Мог бы и не говорить.

— Эй, парень, не испытывай мое терпение! — снова прокричал Крэйг, — Лезь сюда, или я прикажу кому-нибудь тебя подтолкнуть!

— Не стоит так беспокоиться обо мне, Салливан! Мы ведь еще не женаты!

— Поговори, умник! Давай сюда!

Килар ухватился рукой за узкую щель и переставил ногу на каменную полку. Она отступала от стены всего на несколько сантиметров. Его овеяло порывом ветра. Странник медленно передвигал ступни, каждый раз тщательно проверяя опору. Так он обогнул изгиб скалы. Килар не думал ни о чем кроме равновесия. Когда он оказался на другой стороне, мышцы сводило от напряжения, а в висках стучал пульс.

Женщины перебрались через провал следом за ним. Робинс двигалась бездумно как испорченный механизм. Линн приходилось страховать ее на каждом шагу. Килар был уверен, что сержант непременно сорвется, и приготовился вытягивать из пропасти их обеих. Лом вряд ли успеет сообразить, что к чему, а Крэйг встал слишком далеко от края.

Когда Робинс оказалась рядом, Страннику почудился едва слышный шепот, что-то вроде: «почему на них нет перьев?» Фраза звучала абсолютной бессмыслицей.

К тому времени как они добрались до подножья, наступило утро. Валькирия превратилась в белесый негатив на фоне еще более светлого неба. Кольца слились с перьями облаков.

Дорога проходила сквозь сплетение кустарника, покрытых лишайниками узловатых стволов и выющихся растений с огромными пахучими цветами. Землю под ногами устилал толстый матрас из прошлогодних листьев. Нижний гниющий слой испускал теплый запах прения и пружинил под ногами. Непроходимые заросли много лет атаковали дорогу, и сейчас от нее осталась лишь узенькая тропинка.

Отряд разделился на несколько групп. В лесу Крэйг приказал изолировать пленных друг от друга. Линн больше не видела спутников. Впереди и позади шли бандиты. Дважды мимо шествовал командир отряда — видимо проверял, что делается в хвосте колонны. Когда Салливан находился рядом, Линн чувствовала себя в относительной безопасности. Он поддерживал хоть какой-то порядок.

Уже несколько раз человек, шедший позади нее, молодой худощавый парень с небритым лицом, шлепал ее по заду и говорил какие-то мерзкие вещи. Линн до конца не понимала их смысл, но ощущала спутствующую грязь всей поверхностью кожи.

Она держала себя в руках, но изнутри превратилась в сгусток натянутых нервов. Впервые за четырнадцать месяцев, с тех пор как Линн покинула Резервацию, вокруг нее оказалось столько мужчин одновременно. Бандиты, ничуть не стесняясь, ощупывали ее взглядами, измеряли всю целиком и отдельными частями, словно видели в ней не человека, а племенную кобылу, выставленную на аукцион. Долго ли Крэйг сможет подавлять их своей мрачной харизмой и умением стрелять без промаха? Никто не хотел с ним связываться, но недовольство среди бандитов постепенно росло.

Линн знала по собственному опыту, как сложно заставить подчиненных выполнять приказы, если дисциплина однажды уже дала трещину. Рано или поздно методы устрашения перестают работать, и тогда случается что-то очень плохое.

Не меньшие опасения вызывало у нее состояние Робинс. За последний час, пока их не разделили, сержант впала в полукомагиозное состояние. Она механически переставляла ноги, не отвечала на вопросы и не смотрела по сторонам. Когда Линн наткнулась на ее пустой, отсутствующий взгляд, ей хотелось кричать.

«Ну скажи же хоть что-нибудь! — умоляла она эту ходячую куклу. — Говори что угодно! Я согласна выслушивать даже ту бессмысленную чепуху, которую ты несла пару часов назад. Только во имя Рождения — не молчи!»

Но Робинс либо не слышала ее, либо не хотела слышать. Она ушла слишком далеко, погрузилась в глубокие воды, и туда, в холодный бархатный сумрак, не принимал ни свет дня, ни звук человеческого голоса. В этом имелось одно неоспоримое преимущество: бандиты решили оставить ее в покое. Сумасшествие стало для Робинс идеальным средством защиты, и Линн невольно ей позавидовала.

Пятерня идущего сзади мужчины снова опустилась на ее ягодицу. Растопыренные пальцы жгли как горячие сосиски. Линн резко двинула бедрами, но через секунду поняла, что это движение его только раззадорило.

— Давай, детка, поиграй своей нежной попкой! Ну же! Давай!

Он обхватил ее за талию и попытался завалить в траву. Парень не отличался физической силой. Линн сопротивлялась как могла, но ей мешали связанные за спиной руки. Внезапно ей захотелось уступить, позволить делать с собой что угодно, лишь бы это поскорее закончилось. Но уязвленное самолюбие оказалось сильнее.

— Пусти, ублюдок, или я выбью из тебя все дерьмо! — крикнула Линн, но он только расхохотался в ответ.

— Эй, Мелвин, завязывай! — проворчал второй бандит. Наверняка он представил себе вытарашенные глаза Сида, когда тот зажимал руками дырку в паху.

Но Мелвину уже все было до лампочки.

— Иди вперед, Фрай! Разве не видишь? Она хо-о-очет меня!

Горячие пальцы лезли ей под куртку, расстегивали пуговицы. Он торопился и теперь обнимал ее за талию только одной рукой. Линн вывернулась, сделала шаг назад и пнула его носком сапога в коленную чашечку. Мелвин тут же позабыл о своих прежних намерениях и запрыгал на одной ноге.

— Шлю-ю-ю-ха! — канючил он, схватившись за ушибленную коленку. — Что ты наделала, шлю-ю-ю-ха!

Линн отступила еще на два шага. Фрай навел на нее ружье. Некто четвертый возник между ними как суслик из норы. Здоровая нога Мелвина вылетела из-под него. Юный бандит рухнул на тропу, со всего маха приложившись спиной о землю.

Крэйг Салливан наступил сапогом на шею упавшего.

— Я не люблю идиотов. — процедил командир негромко и размеренно, — Скорее всего на прииске этих троих ожидает смерть, но пока я отвечаю за их сохранность перед Пресвитером. Ты уяснил это, сопляк, или хочешь отправиться вслед за Сидом?

Мелвин не обладал достаточной свободой, чтобы кивнуть, а острый сапог Крэйга обеспечивал лишь минимальный доступ кислорода в его легкие. Неудавшийся герой-любовник проскрипел нечто неразборчивое, пуская слюни и жалобно закатив глаза. Крэйг счел ответ удовлетворительным и не спеша убрал ногу. Мелвин остался лежать. На шее у него пропечатался рисунок подошвы похожий штриховой код.

— С какой стати ты заделался нашим защитником? — Линн постаралась сбросить напряжение и глубоко задышала, чтобы понизить пульс.

— Я не смогу защитить вас от своего босса, — возразил Крэйг все тем же бесстрастным голосом. — Однажды Пресвитер отрубил человеку руку, аккуратно порезал на стейки, обжарил на сковородке с зеленью и приправами, а потом заставил беднягу есть самого себя. И это далеко не предел его фантазии. Флетчер настоящий безумец, а я — один из его цепных псов. Но пока вы под моей опекой, бояться нечего.

— Но почему? — Линн решила подойти ближе, — Ты настроиваешь против себя людей. Зачем лишняя головная боль?

— У меня есть причины, — Крэйг взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. Холодно-голубые, чем-то напоминают глаза Килара, но более размытого, светлого оттенка. Глаза прирожденного убийцы.

— Вы пришли из-за гор. Значит, видели Крест.

— Ага. Но какая тебе от этого польза?

— Я сразу понял, что вы не отсюда. У тебя странный выговор. А этот твой дружок, он ведь чужеземец? Я имею в виду: настоящий чужак. *Un verdadero extrano*. В нем чувствуется налет другого места и времени. Кажется, от него даже пахнет иначе. — Крэйг провел рукой по ее волосам. Прикосновение было не похотливым — скорее отеческим. — Ты чем-то напоминаешь мою старшую дочь. Такие же светлые волосы — На миг его маска дрогнула, как стенка хрустального фужера под воздействием звуковой волны. — Вы поможете мне, укажите дорогу, которую я ищу много лет.

— Дорогу? — от волнения у Линн перехватило дыхание. Крэйг кивнул.

— Вы ведь нашли ее — ту самую *el Camino Eterno*? Бесконечная дорога к темному сердцу мира. По ней проходили многие, но ни один не вернулся.

Из-за поворота показалась следующая группа из трех бандитов, в середине которой, как сомнамбула, тащилась Робинс.

— Вставай, сопляк! — Крэйг пнул ногой копошащегося на земле Мелвина. Тот поднялся на четвереньки, закашлялся и выплюнул на траву сгусток слизи, смешанной с кровью. Крэйг не удостоил его даже мимолетным взглядом.

— Убирайся к Джокеру, в конец колонны. И больше не попадайся мне на глаза. От тебя воняет как от скотины. Ты похож на побитую собаку.

Мелвин, прихрамывая, заковылял прочь. Он поминутно оглядывался через плечо, словно боялся схлопотать пулю в затылок. Крэйг высморкался сначала одной ноздрей, потом другой, расправил полы плаща и ушел в противоположную сторону.

— Шагай вперед, — Фрай проводил командира недружелюбным взглядом. Линн подчинилась, на ходу обдумывая короткий разговор с Крэйгом.

Бесконечная дорога к темному сердцу мира.

«Лучше и не скажешь!»

Откуда командиру так много известно и догадывается ли об этом Странник? Скорее всего он раскусил Салливана, поэтому и ведет себя как последний болван. Не слишком ли рисковую тактику он избрал? Подставлять морду под кулаки — так себе идея.

«А я-то что — пример для подражания?» — спохватилась Линн, — «Едва не отдалась этому слюнтяю!»

Линн представила себе телячий взгляд Мелвина полный обиды и невинного удивления, как у ребенка, лишенного сладостей, и внезапно захлебнулась от смеха.

Прииск заставил Килара вспомнить статью из журнала «Нейшенал Джеографик» о нелегальной добыче золота в бассейне Амазонки. Деревня вплотную примыкала к огромной траншее, где босоногие рабочие в закатанных до колен шароварах размывали глинистый склон при помощи насосов. Уродливая землеройная машина, нечто наподобие драги, вычерпывала донные отложения из прорытого от реки канала.

В статье подробно описывался процесс фрагментации. Грунт поступал на наклонные шлюзы, руда оседала на матах, а пустая порода уходила в отвалы. Потом маты промывали, и концентрат, содержащий золото, отправлялся на обработку. Его опускали в цилиндр с ртутью для образования амальгамы. На последнем этапе амальгаму нагревали, выпаривали ртуть, и оставался пористый комок благородного металла.

Рабочие заматывали лица тряпками, но Килар сомневался, что эта мера поможет им надолго сохранить здоровье. Если изо дня в день дышать ядовитыми испарениями, твои мозги и легкие становятся такими же ноздреватыми, как добытый кусок золота, но при этом гораздо менее ценными для владельцев прииска.

Все механизмы выглядели откровенно дряхлыми, но они по-прежнему работали. В этом слое действительности знания терялись примерно с той же скоростью, с какой вода растворяет таблетку шипучего аспирина. Развитие шло задом наперед. Люди предпочитали пользоваться тем, что у них было, а когда вещи изнашивались — либо ставили заплатки, либо заменяли более примитивными аналогами.

Узников провели по длинному променаду, вдоль ряда хижин на высоких сваях. Некоторые жилища напоминают корзинки, сплетенные из лозы, другие сколочены из досок, гофрированного железа и листов фанеры. Подклети обкладывали самодельным кирпичом-сырцом и устраивали там погреба. Исхудавшие псы, больше похожие на больных лисиц, рылись на окрестности в куче отбросов. Слабый ветерок с реки гонял по улице красноватую пыль. Исцарапанная жестяная табличка, прикрученная проволокой к столбу у дороги, сообщала, что они вступили в поселок вольных старателей под названием Мюррей. Ниже кто-то дорисовал углем череп с костями.

— Здесь все кажется таким старым, — поделилась своими наблюдениями Линн. Они снова шли вместе, — Кажется, мир покрывается морщинами и сохнет.

— Так оно и есть, — отозвался Килар. — Наверное, здесь это заметнее, чем в ваших краях. А, впрочем, тебе виднее. Я тут не при делах. Просто погулять вышел.

— Мы так долго ничего не замечали, — созналась она, — Старшие Сестры внушали нам, что Леора процветает, что можно плевать на всех вокруг, сидя верхом на заборе. А мы охотно верили и не замечали, что забор трухлявый.

— Возможно это тебя утешит. — Килар окинул взглядом пустынную улицу, прислушался к грому машин на реке, — Есть шанс, что мир выправится, если наша миссия закончится успешно. Вот только мы с тобой до лучшего не доживем.

— Спасибо, и правда утешил. Не думаю, что эту махину можно повернуть вспять.

— Я тоже не думаю. Но, чтобы идти дальше, нужна надежда.

— С каких это пор ты записался в оптимисты?

— С тех пор как встретил тебя, милая.

— Ага-ага. Ври дальше! А я и уши развесила.

Отряд вышел на круглую площадку, обсаженную по периметру стройными деревьями, напоминающими кокосовые пальмы. Их перистые листья расходились высоко наверху длинными султанами, а гладкие стволы были цвета слоновой кости. В дальнем конце площадки возвышался большой дом, целиком сооруженный из стенок транспортных контейнеров. Надпись на расщепившейся доске у входа гласила:

ЗАГОТКОНТОРА

выдача продовольственных пайков производится в часы приема

Никаких других сведений, поясняющих последнюю фразу, надпись не содержала и о самих часах приема оставалось лишь догадываться.

— Советую молчать, пока тебя о чем-то не спросят.

Странник краем глаза взглянул на Крэйга. Тот выглядел жестким и тугим как корабельный канат, но в голосе проскользнуло беспокойство.

— Ничто не сравнится с безумием Флетчера. Он выучил наизусть книгу псалмов и носит на груди крест, но душа у него черна как дёготь. И пусть тебя не обманет кажущееся спокойствие. Пресвитер редко повышает голос на людях. В тех случаях, когда другие орут и сквернословят, он достает нож и выпускает кишки.

— Я не дурак, Салливан. Чтобы свести счеты с жизнью, незачем забираться в такую глушь. К тому же, у нас есть важные дела на севере.

— Ты чертовски прав, — согласился Крэйг.

— Почему ты зовешь его пресвитером? Он что, священник?

— Не более чем ты или я, хоть и считает себя бичом божьим.

Из двери заготокноторы, согнувшись едва ли не пополам, выбрался огромный человек в зеленом офицерском мундире с двумя рядами бронзовых пуговиц. Казалось, он вылезает не из дома, а из салона легкового автомобиля. Распрямившись, он сделался еще больше, а здание за его спиной уменьшилось до размеров собачьей конуры.

Флетчер обладал комплекцией Геркулеса — на голову выше Килара и в полтора раза шире в плечах. Сапоги вычищены до блеска. Короткие, курчавые волосы непривычного белевого цвета как бы лишены пигмента. Глаза скрываются за зеркальными очками. Правая душка сломана и заделана паклей. Лицо африканского типа, но кожа очень светлая, с пятнами солнечных ожогов. Поверх кителя висит серебряное распятие. На поясе — охотничий нож и матово-серый пистолет неизвестной Страннику конструкции в легкой пластиковой кобуре. Корпус выглядит монолитным и гладким со всех сторон. Сбоку две сенсорные клавиши, сетка охлаждения и шкала с потухшими светодиодами. Похоже, у пистолета вообще нет движущихся частей. Тогда как он стреляет?

Килар понял, что имеет дело с недостающей переменной в уравнении квантовой запутанности. Пресвитер остановился перед ним, упер руки в бока.

— Кто ты?

— Зови меня Килар.

— Срал я на твое имя. Оно скорее всего вымышленное. Я спрашиваю: *кто ты?*

Странника поразило столбняк, но не от страха, а от внезапного прозрения. Он как будто обрел способность вспоминать будущее. Образы получились нечеткими, похожие на отраже-

ния в оконном стекле, наложенные на реальный мир снаружи. Но он слышал топот копыт и крики людей, умирающих с пулей в груди; и рев адских машин — железных чудовищ, окутанных тьмой; и высокие голоса ангелов, поющих осанну.

— Я тот, кто однажды убьет тебя. — Килар не слышал, как ахнула рядом Линн, не видел, как в ужасе попятились разбойники, и даже Крэйг Салливан на миг утратил свою обычную невозмутимость. На залитой рассветными лучами площадке перед заготконторой находились только они вдвоем — Странник и великан в зеленом.

— Нет, не мог бы, — Килар словно повторял чужой текст, записанный на пленку. — Ты не в силах изменить судьбу, которая ведет нас обоих дорогой проклятия.

— Одно из двух: либо ты очень храбр, либо потрясюще глуп.

— Просто я *знаю*тебя.

Пресвитер шагнул вперед. Странник испытал на себе тяжесть его пронизывающего взгляда, ощутил феноменальную волю этого человека.

— Ты не можешь меня *знать*!

— Ты *знаешь*, что это не так.

— Я знаю, что сдеру с тебя кожу и искупаю в растворе калийной соли. И ты будешь умалчать, чтобы я сделал это еще раз, потому что затем я придумаю для тебя нечто особенное, отчего сам дьявол схватится за живот и целую неделю будет гадить в постель. Ты уж поверь мне, *maldito extraterrestre loco*.

— Я верю тебе, Флетчер, но это ничего не меняет. Мы оба стали фигурами на шахматной доске, и нас заставят играть по правилам.

Толстые узловатые пальцы Пресвитера сгребли куртку Странника, приподняли его над землей и встряхнули, как мешок с потрохами. Больные ребра заныли.

— Я играю по своим правилам! — пророкотал Флетчер. — Я сам устанавливаю правила и меняю их, когда захочу!

Килар попытался упереться в почву носками ботинок. Сила хозяина Мюррея впечатляла. Даже сейчас, основательно похудевший, он весил больше восьмидесяти килограмм, и все же Флетчер удерживал его над землей, почти не напрягаясь. В памяти промелькнул недавний совет Крэйга, но замолчать Странник не мог. Он больше не принадлежал себе. Он поменялся местами с Кассандрой и превратился в оракула.

— Можешь трясти меня сколько душе угодно, но Судьба прочертила через нас круг, а пролитая кровь в конце концов вернется к тебе. Попытайся избавиться от власти круга, и ты лишь приблизишь собственную гибель.

Флетчер по-прежнему держал его за куртку, но хватка ослабла. На лбу пульсировала раздувшаяся вена. Килар нащупал под ногами точку опоры.

— Со мной еще никто так не разговаривал, — Очки с черными линзами не пропускали свет, но Странник мог бы поклясться, что взгляд хозяина Мюррея излучает не только гнев, но и замешательство. — С мной никто, мать твою, так не разговаривал!

— Значит ты общался не с теми людьми, — губы Странника изогнулись в усмешке прежде чем кулак Флетчера превратил их в кровавое месиво.

Он так и не понял, с какой стороны прилетел кулак. Килару показалось, что на него рухнула скала. Земная твердь встала на дыбы и опрокинулась ему навстречу. Челюсть сначала вспыхнула белым пламенем, потом онемела. Он видел ноги столпившихся вокруг людей. Откуда-то издали послышался женский крик. Странник узнал голос, но не мог вспомнить, кому он принадлежит. Все звуки стали бесконечно далеким.

«Снова провал, — вяло подумал он, — Я окажусь на берегу моря. Вокруг будут кружиться чайки, я открою глаза, и все начнется сначала».

Потом сверху, будто заходящая Луна, опустилось розовое лицо Флетчера. Только сейчас, когда основные резервы психики сосредоточились на том, чтобы вытащить его из нокдауна,

Килар разглядел надорванную изнанку времени, вспомнил, что однажды уже пережил нечто подобное. Колесо совершило оборот и вернулось к исходной точке.

«Он напомнит мне про невыплаченный долг или что-то типа этого» — Сознание попыталось уползти в темную пещеру обморока, но разум схватил его за шкирку и вернул обратно — туда, где кусочки Пальмиры застряли в поляризованных очках Флетчера. — «Но в тот, первый раз его звали иначе, и сам он был немного другим Когда «тогда»? Разве не помнишь? Тогда! Перед самым провалом!»

«Он назовется Оскаром и спросит, помню ли я стройку и котлован».

Почему никто не вызовет пожарных, ведь эти чертовы тачки горят!

«Я должен видеть его глаза!» — выпрыгнула на поверхность четкая и ясная мысль, сразу переродившаяся в настойчивую потребность. Словно в ответ на его просьбу, Флетчер поднял руку и легким, эффектным движением снял очки.

Глаза хозяина Мюррея оказались белыми, как вареные яйца, со слабым розоватым оттенком. Глаза альбиноса на лице чернокожего. В их глубине Странник обнаружил безумие. Истинное безумие, с которым нельзя соприкоснуться без ущерба собственной душе. Он услышал скрежет тормозов, визг автомобильных протекторов...

(Бляха-муха! Это он! Та самая гнида!)

...оставляющих на асфальте Рязанского шоссе полосы жженой резины

(Узнаешь меня? Помнишь стройку и котлован?)

увидел вспышку желтого пламени от взорвавшегося топлива

(в тот раз тебе мать пошла, но сегодня отбежался, фуфлыжник!)

когда бензовоз и «девятка» сцепились в лобовом ударе.

Алексей умер и стал Киларом, Жар тоже умер и стал Посредником. А теперь Оскар и Флетчер. Два человека из параллельных миров объединенные в одну сущность. Очередная версия квантовых двойников. И оба служили Рогам Быка.

— Ты вывел Пресвитера из себя, и для меня это кое-что значит. — заговорил Флетчер, лениво роняя слова. — Не знаю, что кроется за твоими намеками, но мне они не понравились. Мне не понравился *ты*, а это должно кое-что значить *для тебя*.

Килар сплюнул в пыль выбитый боковой резец и облизал кровь на губах. Лицо дернулось от боли, но голос звучал ровно:

— Я ни на что не намекаю. Просто говорю, как есть.

Две пары рук схватили Странника под мышки и поставили на ноги. Уже второй раз за сутки. Тошнотворная боль вертелась в голове как скрипучие шестерни,двигающие машину для промывки речного грунта. Ноги едва держали. Он осмотрелся и нашел глазами Линн. Она наблюдала за ним, крепко стиснув зубы. Ее глаза оставались сухими, и Странника это успокоило. Для него сейчас хуже всего было бы увидеть на ее щеках слезы. Робинс стояла рядом. Ее безучастный ко всему взгляд нисколько не изменился.

В тишине снова зазвучал трубный бас Пресвитера:

— У меня есть к тебе вопросы, на которые я вполне обоснованно хочу получить ответы. И я получу их, будь уверен. Ты решился спровоцировать меня даже под угрозой наказания. Но шаманская болтовня тебе не поможет

— Кто это был? — перебил его Странник. — Это твой отец или твой дед?

Флетчер успел надеть очки, но теперь он их снова снял. И не просто снял, а сдернул, едва не поломав отремонтированную душку.

— Ты продолжаешь меня дурачить. «Кто неправду зачал, тот забеременел злом и рождает ложь». Объяснись немедленно, или я поставлю белобрысую сучку на колени, и заставлю тебя съесть ее глаза с кончика моего ножа.

— Не надо так сильно нервничать...

— Джокер! Подведи ее ближе к нам и поставь на колени.

Джокер схватил Линн за волосы и выволок на середину круга. Бандиты молча расступились, остерегаясь смотреть на главаря. Они слишком хорошо знали, что произойдет дальше. Многие устали в землю или прятались за спинами других. Линн отчаянно брыкалась. Джокер с садистской ухмылкой вывернул ей локти и бросил на колени. Ему пришлось потратить немало сил, чтобы совладать с пленницей.

— Упрямая стерва! — левой рукой он держал ее за связанные запястья, а правой — взял шею в захват, не позволяя крутить головой. Линн не рыдала и не молила о пощаде, но по искаженным очертаниям губ Странник понял, что она на грани.

Пресвитер достал из чехла охотничий нож и провел языком по лезвию.

— Держи ее крепче, пес, — бросил он Джокеру. — Если по твоей вине у меня что-то не получится, ты сам окажешься на ее месте.

Странник знал, что Флетчер не блефует. В каком-то смысле Пресвитер был настоящим адептом правды, ровным как прямая кишка, возможно самым искренним человеком на свете. Сейчас глаза Линн превратятся в кровавые шарики на острие его ножа, а потом он запихнет их Килару в глотку и заставит *жевать*.

В лихорадочном блуждании по лицам он случайно натолкнулся на взгляд Крэйга Салливана. В нем читалось немое требование: «Ну что же ты, парень! Действуй! Останови это сейчас же! Только ты можешь это сделать!» Линн тоже не отрываясь смотрела на него. Килар не знал, что пугает ее сильнее: нож Флетчера, готовый навсегда погасить для нее свет дня, или безразличие Странника — то, как он будет хладнокровно наблюдать за ее мучениями, повторяя, как эпитафию, свою универсальную молитву судьбе.

Килар знал, *что* нужно говорить, но голос пропал. Пару мгновений он не мог выдавить из себя ни слова. Потом разбитые губы шевельнулись:

— Я имел в виду транспортную компанию «Флетчер и Ко». Думаю, тот, кто руководил компанией, был твоим близким родственником.

Напряжение достигло предельной величины. Секунды падали как артиллерийские снаряды в стороне от них. Пресвитер улыбнулся. Его рот расплылся в тонкую прямую линию, словно по краям чугунной рамы ослабили пару болтов.

— Ты не совсем безнадежен, — Флетчер убрал нож, небрежным жестом велел Джокеру отпустить Линн и принял свою излюбленную позу — руки на поясе, ноги на ширине плеч, — Я ценю умение подбирать нужные слова и произносить их в нужный момент. Ты меня заинтересовал. Впереди нас ждет долгий и обстоятельный разговор, а пока, — он пожал широченными плечами, — я отвечу на твой вопрос. Мой дед, Флетчер Донован Старший основал компанию транспортных перевозок и сколотил вполне приличный по местным меркам капитал. Меня назвали в его честь. Я его полный теска. Потом дед умер от грудной жабы, и его место занял мой отец, Элджин Донован. Но он не хотел работать честно, и в его голове было маловато мозгов.

Пресвитер наподдал валявшийся в пыли камень. Тот отлетел метров на десять и с грохотом ударился о железную бочку под желобом водостока.

— Отец связался с мошенником, выдающим себя за пророка. Тот обещал привести людей в землю обетованную, расположенную, по его словам, на юге, за этими горами. Порой люди столь наивны, что готовы поверить в любую чушь. Они отдавали все, что у них было за места в повозках, а отец и тот проходимец сбывали добро перекупщикам и делили выручку между собой. Не знаю, что произошло с наивными овцами, но больше о них никто ничего не слышал. Когда афера раскрылась, мошенника линчевали прямо на площади перед рюмочной «Корона Иштар» и бардаком маман Сибилены. Отец не стал дожидаться развязки и покончил с собой. Он заперся в кабинете с ружьем двадцать второго калибра, посидел там минут тридцать, перелистывая старые деловые бумаги, а когда помощники констебля Монтильо начали ломать дверь, сунул дуло в рот и нажал на спуск. Его мозги растеклись по задней стене кабинета. Папаша

много лет коллекционировал редкие почтовые открытки и обклеивал ими эту самую стену. В тот день он приклеил к ней часть самого себя.

Флетчер рассмеялся, словно воспоминание об отцовских мозгах, прилипших к стене среди раритетных почтовых открыток, доставило ему удовольствие.

— Наша семейная компания разорилась. Теперь в Поселениях о ней рассказывают страшные сказки детям по вечерам. И я думаю, это чертовки верно, потому что всех, кто хотел сбежать за горы от своих грехов, без сомнения утащил Сатана. «Еще немного, и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его».

Он сделал паузу и приблизился вплотную к Страннику.

— Прошло восемнадцать лет. За это время никто не поднимался в горы, кроме трех идиотов в рясах. Потом время перескочило, как-то сдвинулась, и горы больше не пропускали никого. Никого, кроме вас троих. Скоро ты умрешь, *extrano*. Но прежде, чем я вырву тебе кишки через жопу, ты расскажешь свою историю.

Флетчер повернулся к Салливану. Килар заметил, что правая рука Крэйга стиснула рукоять револьвера, и пальцы побелели на сгибах.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.